

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

И.Н. Барциц

Конституционные мифы и конституционные иллюзии

*О героическом прошлом
и лучшем будущем*

| Издательский дом ДЕЛО |

Москва | 2018

УДК 34
ББК 67
Б26

Об авторе:

Барциц Игорь Нязбеевич, доктор юридических наук, профессор, директор Института государственной службы и управления РАНХиГС

Барциц, И.Н.

Б26 Конституционные мифы и конституционные иллюзии: о героическом прошлом и лучшем будущем / И.Н. Барциц. — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. — 60 с. — (Научные доклады: государство и право).

ISBN 978-5-7749-1390-9

Доклад посвящен раскрытию сущности, содержания и предназначения конституционных мифов и иллюзий, оценке их роли в общественной жизни России и некоторых других стран в различные исторические эпохи. Особое внимание уделено роли конституционных мифов и иллюзий в формировании наиболее значимых конституционно-правовых концепций: народного суверенитета, общественного договора, всенародного референдума, разделения властей, открытого правительства. Позитивный взгляд на исследуемые феномены предопределен их восприятием как форм отражения национального исторического опыта, лучших мировых практик, надежд на более справедливое и стабильное мироустройство.

УДК 34
ББК 67

ISBN 978-5-7749-1390-9

© ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2018

Содержание

Позитивное содержание и предназначение мифов и иллюзий	5
«В чем мы ошибаемся и как правильно это делать»	12
Возникновение и судьба конституционных иллюзий в России	23
Конституционные иллюзии и мифы России на сломе	34
Конституционная мифология постсоветского пространства	42
Конституционные мифы — в прошлом! Конституционных иллюзий — больше нет?	49
Список литературы	56

Позитивное содержание и предназначение мифов и иллюзий

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетанье...
Владыки! вам венец и трон
Дает Закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон...
Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

А. С. Пушкин. *Ода «Вольность»* (1817)

А сын Авром-Мойши уже, наверное, в Америке. Увидишь его, кланяйся и скажи, что отец у него молодец: умер, не дождавшись конституции! А наш Мотл вообще пропал, никто не знает, где он... Многие у нас таким образом исчезли... Одни бежали, другие убиты, третьи по тюрьмам отдыхают, гуляют по сибирским снегам, работают, прикованные к тачке... И все им нипочем! Заупрямился народ: раз навсегда — конституцию, и никаких гвоздей!..

Больше новостей нет. Будь здоров и кланяйся сердечно каждому в отдельности. В Америку я не собираюсь. Не нравится мне твоя Америка! Страна, в которой газета называется «пейпер», в которой Блюма превращается в Дженни, а жених называется троеженцем, — из такой страны, прости меня, бежать надо! Из твоего письма я вижу, что, будь у нас настоящая конституция, как мы понимаем, — нам бы никакой Америки не надо было! Тогда бы у нас была «Америка» получше, чем у вас... Не горюй, Янкл, — такой бы кусок золота мне и такую бы болячку Крушевану, какую конституцию мы еще, даст бог, будем иметь!..

Твой друг Исроел

Шолом-Алейхем.
*Из поздравительного письма
к Новому году от портного
с родины — другу в Америку* (1907)

Для раскрытия понятий «миф» и «иллюзия» применительно к конституционно-правовой материи

принципиально важно исходить из того, что в них нет негативно-го контекста безосновательных фантазий или надежд. В отличие от трактовки, свойственной применению этих понятий за пределами гуманитарного знания, они не сводятся к декларативности и фиктивности феноменов, ставших подобными мифами и иллюзиями. Позитивное отношение к конституционным мифам и конституционным иллюзиям исходит из понимания, что они совсем не обязательно противоречат правде и реальности. И даже когда социальным наукам и правоведению приходится признать обоснованность мифов и иллюзий, нередко отмечается их позитивная роль для государства и права. В отличие от негативного подхода, продемонстрированного С. Гуриевым при выборе эпиграфом книги «Мифы экономики: заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики» цитаты Дж. Ф. Кеннеди [Гуриев С., 2010. С. 19]:

Величайший враг правды зачастую не ложь — преднамеренная, запутанная и бесчестная, — а миф — настойчивый, убедительный и нереалистичный [Kennedy J., 1962. P. 234],

следует начать изложение вопроса с позиции Генри Тюдора, предусматривающего:

...избавление от широко распространенного, но вводящего в заблуждение предубеждения. В общем использовании термин «миф» означает любую веру в то, что не имеет никакого основания на самом деле. Миф, как нам говорят, вымысел или иллюзия, больше продукт фантазии и желаемого мышления, чем результат серьезной попытки понять мир, в котором мы живем; и политические мифы — это просто выдумки или иллюзии по политическим вопросам. Нет ничего неправильного использовать термин в этом популярном смысле — при условии, что он используется как ругательство и без претензий на научность [Tudor H., 1972. P. 13].

Восприятие мифа как сказки относит нас в детство, когда понимание мифа сводилось к жизнеописаниям олимпийских богов в классической для многих поколений советских и российских подростков версии Николая Куна. За пределами сказки даже греческие мифы являются историческим источником, пусть и представленным в художественной форме, со свойственными художественным произведениям преувеличениями и фантазиями. Внедряясь

в политическую жизнь, мифы (будь то миф о взятии Бастилии или Зимнего дворца, об отцах-основателях американской мечты или об арийском происхождении) несут в себе огромную созидательную или сокрушительную силу.

Среди различных мифов политического характера свое законное место занимают мифы, возникновение которых обусловлено зарождением конституционной доктрины, распространение — развитием конституционной мысли в философии и конституционно-правового регулирования на практике.

Профессор Университета Монпелье Алан Марсиано (Alain Marciano) абсолютно верно выводит причину более или менее слаженного функционирования человеческого общества из того обстоятельства, что составляющие его индивиды разделяют общее представление о своем происхождении, принципах своего существования, а также о том, как организовано их взаимодействие. Такие убеждения являются фундаментальными, их также называют мифами. Подобные мифы позволяют обществу существовать, и их важность заключается не в том, что они являются абсолютно правдивыми или точными, а в том, что они создают инерцию в обществе. Среди социальных институтов, порождающих мифы, конституции занимают значимое место, поскольку определенным образом формируют общество [Marciano A., 2011. P. 1–2].

Если чем-то можно оправдать отрицание величия конституционных мифов и иллюзий, так только тем, что сами они утверждались в жестком отрицании и даже уничтожении системы мифов и иллюзий доконституционной эры. Самая возвышенная теория современного конституционализма — теория народного суверенитета — при своем появлении преследовала вполне практические политические цели, отвергла тысячелетнюю веру в божественное происхождение власти, в подтверждение чему отправила на гильотину Людовика XVI с супругой.

Изучение социальных и политических мифов в советское время сводилось преимущественно к критике буржуазной мифологии, а также к защите собственных взглядов от критики буржуазных авторов. «Склонность к мифотворчеству оценивалась как перманентное свойство буржуазной идеологии, как способ решения ее высшей задачи — замаскировать существо классовых отношений в „мире капитала“» [Шестов Н. И., 2005. С. 57]. Следовательно, авторы большинства исследований своей главной задачей ставили развенчание буржуазных мифов. В то же время вполне закономерно

но, что конституционная идеология любого общества при любом социально-экономическом строе содержит элементы мифологии.

Действительно, мифы можно и иногда нужно опровергать, носителей иллюзий можно и иногда нужно заставлять внимательнее присмотреться к фактам окружающей действительности. Однако при обращении с конституционными мифами и конституционными иллюзиями проводить подобные акции надо чрезвычайно осмотрительно: эти явления становятся элементом социальной психологии, нередко несущими конструкциями конституционного строя, государственного устройства, политического режима, в расшатывании которых вряд ли заинтересованы патриотически ориентированные исследователи.

Ведь «миф, — утверждали Карл Фридрих и Збигнев Бжезинский, — это, как правило, сказка, имеющая дело с прошедшими событиями, придавая им особый смысл и значение в настоящее время и тем самым укрепляя авторитет тех, кто обладает властью в определенном сообществе» [Friedrich C. J., Brzezinski Z. L., 1961. P. 99].

Конституционные мифы и конституционные иллюзии — продукт, вырабатываемый политической и интеллектуальной элитами. Доказать опытным путем правдивость конституционных мифов и тем более истинность конституционных иллюзий невозможно, поэтому приходится в очередной раз воспользоваться уловкой агностицизма. Каждый из размышляющих сам решает, верить или нет в их соответствие действительности. Сама невозможность познания их наличия и содержания (в случае наличия такового) — первый довод в обоснование элитарного происхождения. Не обремененному поисками сущностей, содержаний индивиду нет ни дела, ни времени, ни желания до изысканий подобного рода. Лишь не без высокомерия взирающему сверху на человеческий рой и движение масс придет в голову вычленивать некие общие для конкретной нации и группы людей наборы ценностей и символов. Если конституционные мифы появляются, то по аналогии с родословной звезд из стихотворения В. В. Маяковского «Послушайте»:

...значит — это кому-нибудь нужно? Значит — кто-то хочет, чтобы они были? Значит — кто-то называет эти плевочки жемчужиной? [Маяковский В. В., 2014. С. 1].

Впрочем, элитарное происхождение конституционных мифов не только не избавляет от опасности их оторванности от реалий общественной жизни, но, напротив, предполагает таковую. Среди причин подобной оторванности М. Краснов справедливо выделяет то обстоятельство, что «интеллектуальная элита, одна из главных задач которой — насыщение общества новыми идеями, осмысление их и т. д., не заботится о том, чтобы по крайней мере не повторять замшелых мифов, — вероятно, потому, что не дает себе труда учитывать исторический контекст их появления либо просто заглянуть в первоисточники...» [Краснов М., 2007. С. 31].

Содержательное наполнение мифа «во все времена и во всех культурах в символе-иероглифе описывает объем знаний, превышающих возможности общедоступного рационального усвоения. Архетип становится тем кодом, который позволяет расшифровать иероглиф, а при наличии хранящей „связку ключей“ жреческой элиты (или просвещенной политической элиты) — развернуть из него всю спрятанную систему знаний», — утверждает М. В. Борисенко [Борисенко М. В., 2002. С. 26], обозначая мифу роль не лживого предания, но культурного кода, позволяющего лучше понять различные элементы государства и общества, объяснить различные политические и культурные феномены.

Поэтому конституционные иллюзии и мифы зачастую тесно связаны с народной мифологией. Например, широко прижившиеся в народном сознании концепции «народной воли» и «народной мудрости» (чем не «народный суверенитет»?!) органично сочетаются с былинными подходами «о добром царе-мученике» и «плохих боярах» (чем не основа для модели разделения властей с сильной президентской властью?!).

«Мифы сохраняют и передают парадигмы — образцы, в подражание им осуществляется вся совокупность действий, за которые человек берет на себя ответственность», — так М. Элиаде раскрывает свое понимание мифа как «священной истории» [Элиаде М., 1987. С. 30].

Объяснима взаимосвязь конституционных мифов с конституционными иллюзиями: анализ имеющихся в обществе мифов позволяет оправдать присутствие в нем иллюзий, а в практическом смысле — представить с большей долей успешности рекомендации по совершенствованию политического режима.

Самым известным и ярким мифом Французской революции является легенда о взятии Бастилии.

...Осада и взятие Бастилии — одно из грандиознейших событий в истории человечества. Оно имело огромное значение в глазах не только современников, но и последующих поколений. Взятие Бастилии сделалось символом всякого достигнутого революционным путем политического освобождения, самое слово «Бастилия» стало нарицательным.

Сегодня мы можем подписаться под словами выдающегося советского историка Е. А. Тарле (статья написана в 1939 году к 150-летию юбилею) [Тарле Е. В., 1959. С. 647–658], который и в описании всего действия остался верным принципам героизма людей, рисквавших своими жизнями ради свержения тирании. С несущественными для мировой истории нестыковками — ветхость сооружения (400 лет), вследствие чего оно практически не использовалось, сомнительная боеспособность гарнизона, количество заключенных (7 человек) — пусть разбираются дотошные собиратели фактов. Для мировой истории несравненно важнее, что символ всевластия королей был снесен, а на образовавшемся по революционной воле пустыре поставили табличку с надписью «*Désormais ici dansent*» («Отныне здесь танцуют»).

Ярким примером «героической маскировки» в отечественной истории стало отражение в советском искусстве (прежде всего в кино и литературе) Великой Октябрьской социалистической революции. Так, несмотря на многочисленные исторические допущения и прямые несоответствия реальным событиям, немой художественный фильм Сергея Эйзенштейна «Октябрь» (1927 год) воспринимается как документальная хроника. Если во время создания подобные несоответствия считались авторским взглядом и объяснялись необходимостью использования новаторских и символических изобразительных приемов, то в эпоху гаджетов и селфи практически невозможно отстоять исторический факт, что самый известный эпизод фильма с перелезанием восставшими матросами и рабочими Главных ворот Зимнего дворца, сбрасывания ими двуглавых орлов и корон не более чем стремление в символической форме показать преодоление старого строя.

Даже если исходить из версии, что штурм Зимнего дворца имел место (историки пока не пришли к согласию по данному вопросу), перелезть через ворота не было никакой необходимости: рядом с Главными воротами находится Октябрьская лестница (ранее она называлась Ее императорского Величества), кратчайшим путем непосредственно выводящая на Дворцовую площадь. Проблема заключалась совершенно в другом: узкие, по мнению Эйзенштейна,

ступеньки Октябрьской лестницы не позволяли продемонстрировать на экране мощь революционного потока. Что же до двуглавых орлов, они были демонтированы с Главных ворот распоряжением А. Ф. Керенского после объявления 1 сентября 1917 года России республикой.

Приведенные факты мифологизации двух величайших революций мировой истории ни в коей мере не умаляют их значения, их достижений, порожденных ими иллюзий. Вне контекста реального состояния Бастилии или масштабности залпа крейсера «Аврора» эти революции не только реформировали фактические конституции (соотношения сил) в самих претерпевших их государствах, но и, в полной мере выполнив роль «локомотивов истории» [Маркс К., 1962. Т. 7. С. 8], изменили ее ход. Еще в 1905 году, предвкушая Первую русскую революции, не зная и, надеемся, не предполагая всех губительных последствий для России и, конечно же, не представляя всего масштаба трагедии, к которой приведет Вторая русская революция, В. И. Ульянов (Ленин) настаивает:

Революции — праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса, с точки зрения узкой, мещанской мерки постепенного прогресса. Но надо, чтобы и руководители революционных партий шире и смелее ставили свои задачи в такое время, чтобы их лозунги шли всегда впереди революционной самостоятельности массы, служа маяком для нее [Ленин В. И. ПСС, 1969. Т. 11. С. 103].

Для благосостояния и душевного комфорта общества важен не размер и масштаб лжи (идеологического сопровождения), которой политические и интеллектуальные элиты закрепляют свою роль «властителей дум», а способность этих элит выбрать в качестве такового сопровождения тот перечень идей, мифов, легенд, ценностей, который приведет народ к искомому благосостоянию и душевному общественному комфорту. При этом для достижения общественного комфорта совсем необязательно, а нередко и противоположано следование исторической правде.

«В чем мы ошибаемся и как правильно это делать»

Общественные мифы играли различные роли на протяжении истории. Еще, к примеру, Платон писал о благородной лжи для обеспечения упорядоченного и справедливого общества [Norchi С. Н., 2008. Р. 289]. Как и полагается обладателям первой конституции, бесспорными лидерами по части создания и распространения конституционных мифов являются представители американской конституционной доктрины. Причем мифом считается сама характеристика «отцы-основатели конституции». Признавая мифический характер многих элементов своей конституционной доктрины, они тем не менее не только ими гордятся, но и инструктируют, как правильно следует заблуждаться при их использовании.

Рэй Рафаэль в книге «Конституционные мифы: в чем мы ошибаемся и как правильно это делать» (Constitutional myths: what we get wrong and how to get it right) называет в качестве наиболее распространенных восемь мифов: 1) создатели Конституции выступали против сильного федерального правительства; 2) создатели ненавидели налоги; 3) создатели были беспристрастными государственными деятелями, выше политики, ориентированной на интересы; 4) создатели руководствовались четкими принципами ограниченного правительства; 5) Джеймс Мэдисон создал Конституцию; 6) «Записки федералиста»¹

¹ «Записки федералиста» (Federalist Papers) — 85 политических очерков, в которых раскрывались принципы Конституции США 1787 года, опубликованы под псевдонимом «Публий» в нью-йоркских газетах в период с 27 октября 1787 года по 2 апреля 1788 года с целью убедить жителей Нью-Йорка ратифицировать Конституцию. Авторами очерков выступили А. Гамильтон, Дж. Мэдисон и Дж. Джей.

говорят нам, что на самом деле означает Конституция; 7) отцы-основатели дали нам Билль о правах; 8) раскрыв намерения создателей и то, как поколение основателей понимало текст, мы можем определить, как должно применяться каждое положение Конституции [Ray Raphael, 2013. P. 4].

Благодушному подходу Р. Рафаэля противостоят авторы, которые обращают внимание на то, что американские конституционные мифы явно исторического свойства приводят в современности к ложным и опасным иллюзиям американской исключительности. Жесткой манерой критики приторности американской конституционной мифологии выделяется Гарретт Эппс (Garrett Epps). Утверждая, что тем самым выступает против «потоков конституционной чепухи» (flood of constitutional nonsense), он дополняет перечень мифов следующими: 1) права «оригиналисты», все остальные — идиоты; 2) задача Конституции — ограничить Конгресс; 3) Конгресс расширил коммерческую власть за пределы ее собственных пределов; 4) Конституция не разделяет церковь и государство; 5) равенство и самоуправление являются чуждыми Первой поправке; 6) Вторая поправка позволяет гражданам угрожать правительству; 7) Десятая поправка защищает права государств и суверенитет государств; 8) Четырнадцатая поправка устарела и не имеет значения; 9) выборы сенаторов уничтожают «права государств»; 10) международное право — угроза Конституции [Epps Garrett, 2012. P. 15].

Дискуссии о конституционных мифах в американской правовой литературе носят очевидный прикладной характер. В частности, миф об искажении Конгрессом роли торговой власти обсуждается в контексте дискуссии о распределении полномочий между Конгрессом и президентом в регулировании внешней торговли, введении санкций против иностранных государств и компаний. Значение Четырнадцатой поправки (ввела предоставление гражданства любому лицу, родившемуся на территории США, и запрет на лишение прав иначе как по приговору суда) актуализируется в дебатах о судьбе Закона о защите пациентов и доступном здравоохранении (англ. Patient Protection and Affordable Care Act), более известном как «Obamacare».

Утверждающееся в США скептическое отношение к ведущим международным организациями (ООН, ЮНЕСКО), стремление распространить американскую судебную юрисдикцию за пределы США, весьма свободное отношение к принятым на себя международным обязательствам базируются на мифе, что

международное право угрожает американскому конституционному строю, и, следовательно, оно должно быть изгнано из применения в судебной практике. Особо явно миф о том, что первородство американской Конституции освобождает США от каких-либо международных обязательств, противоречащих американским интересам, нашел отражение в позиции неоконсерваторов. «Неоконы» дополнили традиционный американский скептицизм в отношении эффективности международно-правовых актов и международных институтов философией нравственности американского вмешательства, «моральной гегемонии» и моральной ясности (англ. *moral clarity*), утверждая миф об американской исключительности, предполагающей право США распространять американские ценности и действовать, не дожидаясь угроз [Hodgson Godfrey, 2009. P. 104].

Следует отметить, что подход тех американских исследователей, которые позволяют себе дополнить анализ исторических, правовых и экономических явлений своего национального конституционализма критическими оценками или же даже сдобрить его некоей долей юмора, встречают ожесточенное противодействие авторов, исповедующих традицию высокого пафоса при соприкосновении с именем и текстом американской Конституции. От этого пафоса (применительно к анализу именно этого документа) были избавлены советские правоведа, посвятившие развенчиванию мифов американского конституционализма немало сил. Высокий уровень этой критики подтверждается принципиальным совпадением советских доводов с теми, которые излагались самими американскими авторами (за исключением, конечно, тезисов марксистско-ленинского дискурса).

Еще во время проведения Филадельфийского конвента и в период одобрения Конституции ратификационными конвентами штатов обозначились тезисы о недемократичности процедуры ее ратификации (к обсуждению текста Основного закона были допущены менее 3% населения штатов), о недопустимости отсутствия в тексте Конституции положения о правах и свободах человека.

Билль о правах был включен в текст Конституции в 1789 году в ходе проведения первой сессии Конгресса под давлением конвентов штатов (так, если ратификационные конвенты 9 из 13 штатов лишь высказались в пользу дополнения Конституции Биллем о правах, то четыре оставшихся выставили это в качестве обязательного требования). Отцам-основателям пришлось уступить.

Особое удовольствие критикам американской Конституции доставляет неоспоримый факт: Конституция не отменила рабство, более того, специальным положением закреплялась невозможность отмены работорговли на протяжении последующих двадцати лет.

И все же ключевое значение среди мифологем американского конституционализма имеет оценка степени централизации полномочий федерального правительства согласно Конституции США. Устоявшееся представление, согласно которому отцы-основатели выступали за ограниченные полномочия федерального правительства, не подтверждается логикой процесса создания США. Одним из первых решений Филадельфийского конвента стало осуждение Статей конфедерации¹, одобренных Континентальным конгрессом в 1777 году, согласно решению которого и был создан Филадельфийский конвент. Превысив свои полномочия, Филадельфийский конвент отверг принцип суверенитета штатов, закрепил сильное федеральное правительство, ввел федеральные налоги (чтобы было на что функционировать сильному федеральному правительству).

Какие мотивы лежали в основе выбора отцов-основателей американской конституции в пользу или против той или иной социальной конструкции? Их поиск приводит к критике мифа о беспристрастности отцов-основателей, обусловленности их решений лишь требованиями высших конституционных материй. Тезис экономической ангажированности отцов-основателей восходит к работам Ч. Бирда², среди которых советские низвергатели буржуазного конституционализма [Согрин В. В., 1987. С. 41–57] особо выделяли «Экономическое истолкование Конституции Соединенных Штатов» («An Economic Interpretation of the Constitution of the United States»). Ч. Бирд с истинно американской деловой дотошностью провел инвентаризацию бизнес-интересов всех 55 участников Филадельфийского конвента, работа которого завершилась подписанием американской

¹ Статья конфедерации — соглашение тринадцати штатов, предусматривавшее формирование прочной лиги дружбы североамериканских штатов при сохранении суверенитета и независимости в осуществлении прав, которые не были определено делегированы Соединенным Штатам.

² Beard, Charles A. «Some Economic Origins of Jeffersonian Democracy», *American Historical Review* (1914); *An Economic Interpretation of the Constitution of the United States* (1913). *Economic Origins of Jeffersonian Democracy* (1915); *A Century of Progress* (1932); *The Myth of Rugged American Individualism* (1932).

Конституции¹. В итоге Бирд обосновал весьма неприятный тезис, что каждый из них представлял интересы одной из четырех групп: финансового капитала, владельцев государственного долга, мануфактуристов, торгово-купеческих кругов [Beard Ch. A., 1913. P. 324]. Поэтому в Конституции США запрограммировано сильное федеральное правительство, среди важнейших задач которого — представление интересов финансового капитала и промышленных кругов.

Вряд ли кто-то посмеет отрицать, что любое правительство в истории призвано защищать экономические и финансовые интересы национального бизнес-сообщества. При этом с точки зрения обеспечения политической стабильности полезно задаваться вопросами о том, не вступает ли это правительственное призвание в противоречие с доктриной народного суверенитета, концептом общественного договора, ценностями разделения властей, открытости правительства и т. п. — всем тем, что предстает основными элементами конституционной мифологии.

«Относительно конституций существует множество общих убеждений и мифов, которые граждане воспринимают как должное», — утверждает А. Марсиано [Marciano A., 2011. P. 2], прежде всего посягая на краеугольный камень конституционного строительства — идею народного суверенитета. По мнению автора, само утверждение о том, что народ является источником власти, — конституционный миф, поскольку фактически граждане государства не вовлечены в процесс подготовки и написания конституции [Marciano A., 2011. P. 4]. Это утверждение можно считать маргинальным в череде высокопарных конституционных положений и философских размышлений о народном суверенитете. Конституция Японии в преамбуле декларирует принцип народного суверенитета «общим для всего человечества»:

Государственная власть основывается на непоколебимом доверии народа, ее авторитет исходит от народа, ее полномочия осуществляются представителями народа, а благами ее пользуется народ. Это — принцип, общий для всего человечества, и на нем основана настоящая Конституция.

¹ Председательствовал в конвенте Джордж Вашингтон, не принимали в нем участие двое отцов-основателей — Томас Джефферсон и Джон Адамс.

Рассуждая о народовластии, как правило, говорят лишь о правах народа, народном суверенитете. Идея народного суверенитета — это теоретическая философская и правовая категория, которая находит свое практическое воплощение в целой системе конституционных институтов и механизмов. Народ — суверенный властитель только в пределах своего права, и только если народ действительно это право определяет, а не в случае, если это право навязывается ему какими-либо иными, непредставительными органами. Народа метафизического нет, как нет народа эмпирического — есть избирательный корпус, есть просто избиратели.

Можно выявить волю избирательного корпуса в целом, волю конкретного избирателя, но практически невозможно выявить единую волю народа. Вместе с тем никакая часть народа не должна присваивать себе права суверенитета. Электорат — это только часть народа, его политически наиболее активная часть. Народный суверенитет находится и реализуется в рамках реального органического государства.

Применительно к процедурам принятия конституции принято говорить о «всенародном принятии». Но что понимать тут под «волей народа»? Какое содержание, например, вкладывается в формулировки «всенародно принятая конституция», «воля народа», «всенародная воля»? Существуют различные варианты формулировок, раскрывающие политологическое и юридическое понимание всенародности: квалифицированное большинство, простое большинство, подавляющее большинство. Однако все перечисленные формулы не снимают основного вопроса: «всенародно» — это сколько? Вариантом ответа по логике здравого смысла служит арифметическая формула: $50\% + 1$ голос от списочного состава имеющих право голоса. Но в таком случае в условиях массового абсентеизма очень сложно признать состоявшимися практически все выборы или референдумы.

Идея конституционного регулирования власти — сердцевина конституционных иллюзий. Из подобного рода иллюзий выводится значимый конституционный миф — принцип разделения властей, который является демократическим инструментом для ограничения осуществления государственных полномочий с целью сохранения свободы с помощью установления баланса между различными ветвями власти [Brewer-Carías A.R., 2007. P. 33].

Отцами-основателями теории разделения властей принято называть английского философа Дж. Локка и французского просве-

тителя Ш. Монтескье, которые в конце XVII века в Англии и в середине XVIII века во Франции разработали основные положения этой теории. Различные подходы этих двух философов к данной проблеме породили и разные концепции. Дж. Локк разделил публично-властные полномочия между разными органами. Соответствующие типы публично-властной деятельности располагались им в иерархическом порядке. Он разделял саму государственную власть на законодательную власть, исполнительную власть и федеративную власть.

В отличие от Дж. Локка Ш. Монтескье не дробил государственную власть, а структурно ее разделил на законодательную, исполнительную и судебную ветви, различая в каждом государстве только три вида власти. Разделение и взаимное сдерживание властей является, согласно Монтескье, главным условием обеспечения политической свободы применительно к государственному устройству.

Учения Локка и Монтескье о разделении власти на три ветви, каждая из которых должна быть, во-первых, относительно самостоятельной, а во-вторых, уравновешивать другие, оказали огромное влияние на всеобщую государственно-правовую практику. Это влияние отчетливо проявилось, например, в Конституции США 1787 года, во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года и в других правовых актах. В частности, в статье 16 Декларации записано: «Общество, в котором не обеспечено пользование правами и не проведено разделение властей, не имеет конституции».

Вопреки конституционной иллюзии о «разделении власти» это явление — не сущность государства, а его структура, форма взаимодействия элементов государственного механизма. Поэтому правильнее данный принцип называть не «разделение властей», а «разделение власти» исходя из его сущности. Однако в данном исследовании все же будем придерживаться устоявшейся терминологии.

Современное понимание это взаимодействие находит в законодательном закреплении следующих принципов: а) функционирование законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти; б) равноправие всех ветвей власти, их самостоятельность и независимость друг от друга, но в рамках системы сдержек и противовесов; в) судебная власть должна быть наделена функциями конституционного контроля; г) разделение властей как между федеральными органами законодательной, исполнительной и судеб-

ной власти, так и между федеральными органами и органами государственной власти субъектов Федерации.

О том, что принцип разделения властей является «конституционным мифом», писали О. Худ Филлипс [Цит. по: Masterman R., 2010. P. 10] и ряд других авторов. Фридрих Август фон Хайек отмечал применительно к США, что «задуманное разделение власти... не удалось. Вместо этого в Соединенных Штатах сложилась система, весьма неблагоприятная для эффективного правления. Организация и направление деятельности правительства были поделены между исполнительным и представительным собраниями. Две палаты избираются в разное время на основании разных принципов и часто расходятся во мнениях и враждуют» [Хайек фон Ф.А., 2006. С. 427]. Следует признать, что аргументы, положенные в основу такой оценки, по крайней мере разумны и резонны, пусть и не бесспорны.

Разумеется, речь идет не об опровержении принципа разделения властей, а о некоторой необоснованности его чрезмерной идеализации и представления в качестве чуть ли не идеального и не единственно разумного принципа рациональной организации власти. То есть весь вопрос в степени мифологизации.

Например, разделение властей, закрепленное в Конституции Венесуэлы, как указывает Алан Бревер-Кариас, направленное изначально на то, чтобы избежать сосредоточения власти у какого-либо одного органа, на самом деле искажено в указанном документе, поскольку Конституция все же позволяет своего рода перевес в сторону законодательной ветви власти, наделяя ее полномочиями не только назначать на должность, но и увольнять магистратов Верховного суда и глав органов электоральной и гражданской ветвей власти таким образом, что в конечном итоге это может осуществляться только по политическим мотивам [Brewer-Carías A.R., 2007. P. 34].

Еще одним из наиболее ярких конституционных мифов является утверждение о том, что существуют своего рода «хранители конституции», и роль эта отведена верховным судам, поскольку, как показывает практика, такие суды далеко не всегда выступают в качестве независимых и беспристрастных защитников конституции [Marciano A., 2011. P. 5–6].

К конституционной мифологии также относится, по мнению Лоры С. Андекафлер, провозглашение некоторых личных прав, таких как свобода слова, свобода вероисповедания, право на частную собственность, право на надлежащую правовую процедуру, как по своей природе абсолютных или практически абсолютных. Такая

мифология является действительно мощной, но при этом она сдерживается очевидной реальностью социальных интересов; идеи таких прав сами по себе являются социальными концепциями [Underkuffler L. S., 2007. P. 10].

К числу конституционных мифов ряд авторов также относит тезис об отделенности религии от государства, поскольку религия все равно неотделимо участвует в формировании политики, законов и правовой идеологии современных государств [Law and Religion, 2007. P. XII]. Из того же разряда утверждения о равном отношении государства к религиям, поскольку в реальности в мире нет ни одного примера государства (исключая Северную Корею), где государство не выделяло бы одну или несколько религий в смысле предпочтительности [Понкин И. В. Современное светское государство, 2006]. С другой стороны, к мифологии можно отнести атрибутирование идеологиям атеизма, дарвинизма, гуманизма и прочих «измов» характеристики «светский», притом что к светскости таковые не имеют никакого отношения вообще [Ellis A., 2007. P. 28].

Наиболее устойчивым и активно тиражируемым мифом, распространенным среди юристов, экономистов или политологов, пишет Алан Марсиано, выступает утверждение о том, что конституция представляет собой «общественный договор». Такая точка зрения подразумевает, что конституция принадлежит гражданам государства, поскольку они дали на нее согласие и таким образом согласились с ее положениями и приняли ее правила социальной игры. В качестве основной и непосредственной критики в отношении данного мифа выступает тот факт, что никогда никто не подписывал никаких общественных договоров. Человеческие существа всегда жили в социальных, а значит, организованных группах, а конфликтное состояние их характеров — это всего лишь метафора. Фактически же никогда ни один гражданин не соглашался непосредственно на то, чтобы конституция как-то ограничивала его деятельность [Marciano A., 2011. P. 2].

Такая идея является фикцией, обоснованно указывает Рэндалл Дж. Холкомб, также и потому, что основой деятельности органов публичной власти государства в реальности все-таки является принуждение, но никак не договор. Конечно, есть социальные нормы, которые можно рассматривать как результат и выражение общественного договора, и люди, которые нарушают эти социальные нормы, могут подвергнуться таким санкциям, как исключение их из социальных групп, оказание общественного давления, отказ от

экономических отношений с ними и т. д. Это примеры реального поведения в реальной социальной ситуации. Конституционный же договор, рассматриваемый в гипотетическом смысле общественного договора, является фикцией, поскольку в действительности подразумевает легитимность принуждения, реализуемого публичной властью; такой гипотетический подход не основан на реальном поведении и не в ладах с реальностью деятельности правительства [Holcombe R. G., 2011. P. 22].

Лора С. Андекафлер отмечает, что мифология конституционных прав вообще наиболее сильна в тех областях, где она является наиболее непригодной [Underkuffler L. S., 2007. P. 16]. Теории народного суверенитета и общественного договора с неизбежностью привели к размышлениям о вовлеченности граждан в политический процесс. Изначально речь шла о расширении участников избирательного процесса прежде всего посредством снятия цензов и ограничений. Миф о всеобщем избирательном праве на протяжении всей своей истории сталкивается с сотнями цензов и ограничений.

Когда избирательные права были предоставлены жителям Новой Зеландии и Австралии (1893 и 1902 годы соответственно), даже когда одной из первых в Европе этот эксперимент провела Российская империя на территории Великого княжества Финляндского, можно было рассчитывать на доводы французского премьера Ж. Клемансо: «...одной поборнице равноправия полов, запросившей его в 1913 году, стоит ли он за предоставление женщинам избирательного права, он невозмутимо ответил, что, по его мнению, гораздо лучше осуществить равноправие, отняв избирательное право и у большинства мужчин» [Алданов М. А., 1921. С. 169]. Но когда после повторного референдума (на первом в 1959 году большинство граждан (мужчин) Швейцарии высказались против избирательного права для женщин) женщины в 1971 году получили избирательные права даже в Швейцарии, стало ясно, что процесс не остановить. В XXI веке избирательные права женщинам предоставил Кувейт (2005), Объединенные Арабские Эмираты (2006), Саудовская Аравия (2011). Любопытно, что даже при отказе женщинам в избирательных правах все упомянутые страны утверждали, что их избирательное право является всеобщим.

Своеобразной мстью швейцарским мужчинам за их поведение на референдуме 1959 года стала не только регулярная констатация в тексте Конституции факта, что граждане Швейцарии принадлежат к двум различным полам — мужчинам и женщинам (такая констатация содержалась и в предыдущей Консти-

туции страны 1874 года), но и джентльменское упоминание первыми «швейцарок», а затем уже «швейцарцев», что представляет собой несомненную новеллу швейцарского (и не только) конституционного законодательства.

Преобладающей иллюзией современных демократических режимов является дискуссия о степени открытости власти. Что народ имеет право знать и что он имеет право не знать. Квинтэссенцию дискуссии представляет диалог в первой серии знаменитого сериала BBC (1980–1984) (впоследствии сериал превратился в книгу авторов Джонатана Линна и Энтони Джея) «Да, господин министр». Серия получила название, которое в качестве символа иллюзий используется во многих странах мира, — «Открытое правительство». Приведем выдержки из диалога двух помощников министра Арнольда и Бернарда [Линн Дж., Джей Эн., 1989. С. 185]:

Мы хотим назвать Белую книгу «Открытое правительство» только потому, что трудную проблему легче всего обойти, поставив ее в заголовок. Там она никому не мешает. Во всяком случае закон обратной зависимости гласит: чем меньше человек собирается сделать, тем больше он должен об этом говорить! Но Бернард спросил:

— Что, собственно, плохого в открытом правительстве?..

Арнольд с присущей ему четкостью формулировок указал Бернарду на явное противоречие в самом словосочетании «открытое правительство». Однако Бернард продолжал упорно твердить, что граждане демократического общества имеют право знать. В сущности, они имеют право и не знать, разъяснили мы ему. Знание влечет за собой ненужные сложности и чувство вины. В незнании же кроется некое достоинство.

— Господин министр требует открытого правительства, — помолчав, заявил он...

Я заметил, что не всегда можно давать людям то, чего они требуют. К примеру, виски — алкоголику. Арнольд же совершенно справедливо добавил, что, когда люди не знают, что делается, они не знают, что делается неправильно.

Попытка сформировать иллюзию открытости власти — первый шаг любого правительства, когда речь заходит о получении поддержки населения в деле реформы системы государственного управления. Подобный миф не мог не найти своего отражения в конституционной идеологии, ведь именно во имя обеспечения упорядоченности управления и движения к справедливости возникла и развивалась сама идея конституционализма.

Возникновение и судьба конституционных иллюзий в России

Понятие «конституционные иллюзии» в отечественном государствоведении тесно связано с одноименной статьей В. И. Ульянова (Ленина), опубликованной в газете «Рабочий и солдат» 4 и 5 августа революционного 1917 года. Впоследствии В. И. Ленин в своих работах многократно использовал лексическую конструкцию «конституционные иллюзии». Более того, сделал заключение, в актуальность которого хотелось бы верить и по сей день, обратив внимание на то, что «чрезвычайно широкие массы населения проникнуты конституционными иллюзиями». Далее с присущим ему цинизмом В. И. Ленин низводит конституционные иллюзии с трона мечтаний о светлом будущем к близорукости при характеристике существующих режимов [Ленин В. И., 1969. С. 33]:

Конституционными иллюзиями называется политическая ошибка, состоящая в том, что люди принимают за существующий нормальный, правовой, упорядоченный, подзаконный, короче: «конституционный» порядок, хотя его в действительности не существует.

Преследуя конкретные политические задачи, В. И. Ленин не смог подняться до уровня осознания конституционных надежд М. Е. Салтыковым-Щедриным, и в итоге конституционные иллюзии были сведены к трем актуальным для лета 1917 года задачам. Если со значимостью первой конституционной иллюзии лета 1917 года, под которой понималось представление, что Россия переживает канун Учредительного собрания, «поэтому

все происходящее теперь имеет временный, преходящий, не очень существенный, не решающий характер, все будет скоро пересмотрено и окончательно установлено Учредительным собранием», еще можно согласиться, то две остальные иллюзии спустя почти столетие вызывают недоумение своими скромными масштабами. Вряд ли на уровень конституционных иллюзий могло реально претендовать признание роли известных партий (эсеры или меньшевики) или переживание, является ли закрытие газеты «Правда» эпизодом, случайным явлением или действительно важным событием для общественных умонастроений [Ленин В. И., 1969. С. 33].

Разрушив конституционную иллюзию Учредительного собрания, В. И. Ульянов (Ленин) заложил основы куда более масштабных конституционных иллюзий, которые нашли свое закрепление в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа (январь 1918 года):

1. Россия объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам.
2. Российская Советская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик.
4. Выражая непреклонную решимость вырвать человечество из когтей финансового капитала и империализма, заливших землю кровью в настоящей преступнейшей из всех войн, III Всероссийский съезд Советов всецело присоединяется к проводимой Советской властью политике разрыва тайных договоров, организации самого широкого братания с рабочими и крестьянами воюющих ныне между собой армий и достижения во что бы то ни стало революционными мерами демократического мира трудящихся без аннексий и контрибуций, на основе свободного самоопределения наций.
5. В тех же целях III Всероссийский съезд Советов настаивает на полном разрыве с варварской политикой буржуазной цивилизации, строившей благосостояние эксплуататоров в немногих избранных нациях на порабощении сотен миллионов трудящегося населения в Азии, в колониях вообще и в малых странах.

Любая конституция наряду с правовыми нормами и институтами, регулирующими общественные отношения, всегда декларирует политические ценности, включает в себя нормы-принципы и должна, кроме того, выполнять еще и идеологическую функцию. Такая функция, в частности, отведена преамбуле конституции.

Наличие конституционных иллюзий в основных законах страны предопределяется положением, согласно которому конституции призваны включать в себя нормы программного характера (нормы-цели). Эти нормы содержат положения о перспективах развития государства, нормативно закрепляют их, придают им обязательный характер. Нормы-цели и нормы-программы были сравнительно широко представлены в конституциях социалистических и некоторых развивающихся стран, именно в них, как правило, давались установки на строительство социализма и коммунизма. Представление о конституции как о документе, правовым путем фиксирующем «образ будущего» для страны, обуславливает закрепление в нем фиктивных положений, к которым государство и общество лишь стремятся.

Миф об Октябрьской революции приобретает конституционный характер позднее, при закреплении в преамбуле Конституции СССР 1977 года. Определяемая в качестве примера «нормы — исторической справки», по сути, она закрепляет устоявшийся конституционный миф. При современном прочтении многие утверждения преамбулы Конституции СССР 1977 года вызывают исторические дискуссии. Имеет неоднозначные трактовки, например, само определение «Великая Октябрьская социалистическая революция» (немало историков, не отрицая масштабы как созидательных, так и разрушительных ее последствий, обосновывают, что в момент ее свершения речь шла скорее о попытке «государственного переворота»: именно так, дополнив эту характеристику эпитетом «безумная», оценила свершившееся крупнейшая на то время российская партия — социалистов-революционеров), вызывает сомнения ведущая роль «Коммунистической партии» в ее организации. История не подтвердила и уверенности, что «Советская власть покончила с классовыми антагонизмами и национальной враждой». Если что-то и не подвергается сомнению из преамбулы последней Советской конституции, так это «немеркнущий подвиг советского народа, его Вооруженных Сил, одержавших историческую победу в Великой Отечественной войне».

Следует отметить, что все сомнения в правдивости тезисов, содержащихся в преамбуле Конституции СССР, были озвучены отечественными историками и правоведами лишь после отмены действия статьи 70 «Антивоенная агитация и пропаганда» Уголовного кодекса РСФСР 1964 года.

Продолжение традиции представления в преамбуле конституции емкого видения истории развития государства и норм программ-

ного характера, задающих направленность последующего развития, демонстрирует Конституция Китайской Народной Республики 1982 года (в редакции 2018 года). Несмотря на относительную лаконичность самого текста Основного закона, его пространная преамбула содержит упоминание основных социалистических тезисов, в том числе продолжающих советские конституционные мифы и иллюзии.

В преамбуле Конституции КНР нашлось место революции 1911 года под руководством доктора Сунь Ятсена, великой победе Коммунистической партии Китая во главе с Мао Цзэдуном, в результате которой в 1949 году была «свергнута власть империализма, феодализма и бюрократического капитализма», признанию факта уничтожения эксплуататорских классов при продолжении на долгое время классовой борьбы, марксизму-ленинизму, идеям Мао Цзэдуна и теории Дэн Сяопина, «социализму с китайской спецификой», «социалистической модернизации», «социалистической демократии», «социалистической законности», «социалистической рыночной экономике», борьбе «за сохранение национальной сплоченности», в ходе которой «следует выступать как против национализма великой нации, прежде всего великоханьского шовинизма, так и против местного национализма», и многим другим политико-правовым установкам. Конституционные иллюзии Французской революции нашли отражение в норме-символе, содержащейся в статье 2 Конституции Франции о девизе этой республики: «Свобода, Равенство, Братство».

Набившим оскомину примером подмены конституционной иллюзии конституционным мифом стала легенда о лозунге восстания декабристов 14 декабря 1825 года «Хотим Константина и жену его Конституцию!». Если поверить в достоверность этой исторической байки, подобный лозунг был обусловлен стремлением организаций будущих декабристов привести идею конституции из проектов Никиты Муравьева и «Русской правды» Павла Пестеля в массы, пусть и таким неправдивым образом.

Активизировавшиеся с началом эпохи современного российского конституционализма поиски конституционных идей в российской истории нельзя признать безуспешными: элементы конституционных начал находят в крестоцеловальных записях Василия Шуйского и Михаила Романова, в «кондициях» Анны Иоановны 1730 года. Конституционные иллюзии волновали автора «Недоросля» Д. И. Фонвизина (в его изложении до нас дошел проект Н. И. Панина о фундаментальных государственных законах (ори-

ентировочно 1783 год) и графа М. М. Сперанского, которому принадлежат записки «Об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», «О духе правительства» и «Об образе правления» (1804 год) [Медушевский А. Н., 2010. С. 81].

В научных статьях и публицистике встречаются забавные суждения о древних истоках русского конституционализма, который декларируется в качестве «неотъемлемого элемента бытия русского народа»: «...становление отечественного конституционализма началось в IX веке с появлением Киевской Руси... и было тесно связано с особенностями формирования российской государственности и правосознания» [Корецкая Т. П., 2013. С. 49–56]. К чести российских конституционалистов, подобные изыскания не обрели сколь-нибудь существенной поддержки. Справедливости ради, признавая неоспоримые достижения отечественной (русской и советской) теории конституционного права, интереснейший опыт и вклад отечественной доктрины и практики конституционализма в мировой конституционный процесс, нельзя исключать того неоспоримого факта, что первое тысячелетие своей истории русский народ и Российское государство прожили в радостях и горестях, победах и поражениях, приобретениях и утратах, но, так уж сложилось, все это свершилось без писаной конституции. Сама идея конституционного обустройства государственной жизни прорастала через века неприятия, сомнений, краха иллюзий.

В русской литературе, роль которой для российской национальной идентичности можно сравнить с ролью немецкой философии для немцев и французской политической мысли для французов, идея конституции либо не упоминается вообще, либо упоминается в снисходительно-сатирическом тоне. В произведениях А. С. Пушкина¹, Н. В. Гоголя²,

¹ В оде «Вольность» А. С. Пушкин семь раз употребляет слово «Закон», причем с заглавной буквы, применительно к ограничению власти самодержцев, вероятно, слово «конституция» не вместились в четырехстопный ямб.

² У Гоголя находим чрезвычайно короткую историческую заметку «Конституция Новгорода»: «Новгород обязывал прежде всего князя письменною грамотою на пергаменте с свинцовою печатью, с одной стороны которой был образ Знамени пресв<ятой> богородицы, с другой имя архиепископа новгородского. Она начиналась благословением владыки, поклоном посадника, потом тысяцкого, наконец, больших и малых чинов (старейшин), затем весь Новгород клянется держать его княжение честно по пошлине, безобидно, и такого же требует от князя. Около 1132 г. народ начал избирать посадников, когда изгнал Всеволода».

Ф. М. Достоевского¹, Л. Н. Толстого², А. П. Чехова³ само понятие «конституция» практически не встречается (по крайней мере не встретилось мне. — *И.Б.*).

Вся история российского конституционализма — это история самооправдания сторонников мысли, что конституция не угрожает российской государственности, ценностям и устоям русского народа. Влиятельнейшие государственные мужи различных эпох российской истории, представляя свои конституционные предположения — проекты П.И. Шувалова (1754), Н.И. Панина (1762–1784), С.Е. Десницкого (1768), А.А. Безбородко (1799), М.М. Сперанского (1804–1809), Н.Н. Новосильцева (1820), П.А. Валуева и М.Т. Лорис-

¹ «Наша конституция есть взаимная любовь монарха к народу и народа к монарху. Да, любовное, а не завоевательное начало государства нашего (которое открыли, кажется, первые славянофилы), есть величайшая мысль, на которой много соизжится. Эту мысль мы скажем Европе, которая в ней ничего ровно не понимает» (письмо к А. Н. Майкову).

² «Если спросите у русского народа, чего он хочет: самодержавия или конституции, то 90 процентов его вам ответит, что они за самодержавие, то есть за ту форму правления, с которой свыклись. Народ ждет, что царь, как отнял у помещиков крепостных, так отнимет у них и землю. Если же будет конституция и у власти станут болтуны-адвокаты, живодееры и прогоревшие помещики, то он скажет, что земли ему не получить» (Яснополянские записки. Т. 1. С. 85).

³ Наиболее проконституционно настроенным среди великих русских писателей можно признать А.П. Чехова. Говоря, что в России будет конституция, Чехов добавляет: «Это верно, как после вторника среда» (*Батюшков Ф. А. П. Чехов по воспоминаниям о нем и письмам // На памятник Чехову. С. 26.* Ф.Д. Батюшков, вспоминая о встречах с писателем весной 1902 года, пишет: «Антон Павлович опять вернулся к вопросам внутренней политики, настаивая на неизбежности скорого введения у нас конституции. Меня поразила эта настойчивость в желании показать, как его занимают общественные вопросы» (*Батюшков Ф.Д. Две встречи с А. П. Чеховым // Солнце России. 1914. № 228/25.* В воспоминаниях революционного журналиста В.А. Поссе со ссылкой на М. Горького содержится утверждение, согласно которому Чехов «полагает, что в России ежегодно, потом ежемесячно, потом еженедельно будут драться на улицах, и лет через десять-пятнадцать додерутся до конституции» (*Поссе В.А. Мой жизненный путь. М., 1929. С. 275.* Отношение Чехова к конституции проявляется в письме В.Н. Ладыженскому, в котором он оценивал ход обустройства своей дачи в Мелихове: «Караси мои здравствуют и уже настолько созрели, что хочу дать им конституцию» (цит. по: *Громов М.П., Долотова Л.М., Катаев В.Б., Мелкова А.С., Опульская Л.Д., Орнатская Т.И., Ошарова Т.В., Полоцкая Э.А., Чудаков А.П. Примечания // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит-ры им. А.М. Горького. М.: Наука, 1974–1982. Т. 10. [Рассказы, повести], 1898–1903. М.: Наука, 1977. С. 331–488.*

Меликова (1863–1881), С.Ю. Витте (1905), — отрицали саму возможность их определения в качестве конституционных. Столь сильна была екатерининская традиция страха перед символами Французской революции.

Присутствие тени Французской революции спустя век после ее свершения на политические дискуссии о введении конституционных элементов в России подтверждается обсуждением «всеподробнейшего доклада М.Т. Лорис-Меликова 6 марта 1881 года» «о привлечении представителей населения к законосовещательной деятельности» [Перетц Е.А., 2018. С. 143–168]. А.А. Белых и В.А. Мау [Белых А.А., Мау В.А., 2018. С. 3] обращают внимание на то, что в ходе заседания Совета министров 8 марта 1881 года¹ «некоторые участники заседания сравнивали предлагаемые Лорис-Меликовым комиссии с французскими Генеральными штатами. Внешне это выглядит простой исторической аналогией. Но участники совещания понимали, насколько зловещим было такое сравнение. Все они знали историю Французской революции. Генеральные штаты были созданы 5 мая 1789 года всего лишь для разрешения финансового кризиса... Представители третьего сословия... 17 июля объявили себя Национальным собранием. После попыток Людовика XVI и первого сословия (духовенства) не позволить новому собранию устраивать заседания 20 июня слушания пришлось перенести в королевский зал для игры в мяч. В нем депутаты принесли знаменитую клятву, пообещав не прекращать работать, пока Франция не получит конституцию.

Понятно, что само слово „конституция“ было неприемлемо не только для императора, но и для всех участников совещания, включая самого Лорис-Меликова».

Понятие «конституция» не вошло в общественный оборот и с наступлением XX века. Не столь важно, сколь правдив миф о подписании первого в отечественной истории конституционного акта под дулом пистолета: дядя Николая II великий князь Николай Николаевич вошел в кабинет императора с текстом манифеста в одной руке и револьвером в другой и угрозой «пустить себе пулю в лоб» добился 17 октября 1905 года подписи императора под Высочайшим Манифестом об усовершенствовании государственного порядка. Ни один из двух присутствовавших при положенной в основу мифа истории не прокомментировал ее в своих мемуарах. Ощущение от

¹ 1 марта 1881 года был убит император Александр II. Доклад обсуждается на седьмой день после царевубийства (!)

прочтения дневника императора не поддерживает веру в эту легенду. Но нельзя отрицать элемента мистики в избрании даты для подписания манифеста — это была семнадцатая годовщина крушения императорского поезда под Харьковом и чудесного спасения венценосной семьи 17 октября 1888 года. Трудно сказать, в позитивном или негативном контексте воспринимал император подобное совпадение, которое, судя по дневнику [Дневники императора Николая II, 1991. С. 285], не осталось вне его внимания:

Годовщина крушения!

В 10 час. поехали в казармы Сводно-Гвардейского батальона. По случаю его праздника отец Иоанн отслужил молебен в столовой. Завтракали Николаша и Стана.

Сидели и разговаривали, ожидая приезда Витте. Подписал манифест в 5 час. После такого дня голова сделалась тяжелой и мысли стали путаться. Господи, помоги нам, спаси и умири Россию!

Как бы то ни было, широко распространенным является озвученное председателем Совета министров в этот период С. Ю. Витте убеждение: «Николай II никогда бы не подписал Октябрьского манифеста, если бы на этом не настоял великий князь Николай Николаевич». Октябрьский манифест стал первым актом ограничения самодержавной власти, а вместе с предшествовавшим ему Манифестом об учреждении Государственной думы от 6 августа 1905 года и последовавшим за ним Манифестом о переустройстве Государственного совета от 20 февраля 1906 года выступил основанием для признания Основных государственных законов Российской империи в редакции от 23 апреля 1906 года первой конституцией России. Причем такое признание обусловлено не столько самим фактом ограничения самодержавной власти, сколько анализом общественных отношений, которые были урегулированы этим актом.

Классическое понимание предмета конституционного права охватывает четыре блока общественных отношений: «суверенитет», «собственность», «свобода», «власть». Рассмотрение в этом ракурсе содержания Основных государственных законов Российской империи 1906 года приводит к признанию, что документ регламентирует требуемые для присвоения акту статуса конституционного вида общественных отношений: *вопросы суверенитета* (1.1. Глава первая. О существе Верховной Самодержавной власти. 1.2. Глава вторая. О порядке наследия Престола. 1.3. Глава третья.

О совершеннолетию Государя Императора, о правительстве и опеке. 1.4. Глава четвертая. О вступлении на Престол и присяге подданства. 1.5. Глава пятая. О священном короновании и миропомазании. 1.6. Глава шестая. О титуле Его Императорского Величества и о Государственном гербе); *свободы* — правового статуса российских подданных (1.7. Глава седьмая. О вере. 1.8. Глава восьмая. О правах и обязанностях российских подданных); *структуры власти в стране* (1.10. Глава десятая. О Государственном Совете и Государственной Думе и образе их действий. 1.11. Глава одиннадцатая. О Совете Министров, Министрах и Главноуправляющих отдельными частями).

Пусть и с весьма ограниченными полномочиями¹, в России создавался двухпалатный парламент, обладавший не только представительными, совещательными, но и реальными законодательными, финансовыми и даже контрольными полномочиями, что знаменовало обращение к элементам доктрины разделения властей: закрепив принадлежность монарху исполнительной власти «в объеме всей Российской державы» (статья 10), а также права издания «указов и повелений с целью „устройства и приведения в действие различных частей государственного управления“» (статья 11): осуществление от имени императора судебной власти (статья 22), Основные законы определили невозможность возникновения никакого нового закона «без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы», палаты парламента получали право законодательной инициативы — «возбуждать предположения об отмене или изменении действующих и издании новых законов, за исключением Основных Государственных Законов, почин пересмотра которых принадлежит единственно Государю Императору» (статья 107).

Свое закрепление нашли (в главе девятой «О законах») основополагающие принципы правового государства: а) *правление по закону* (статья 84. «Империя Российская управляется на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке»); б) *равенство перед законом* (статья 85. «Сила законов равно обязательна для всех без изъятия российских подданных и для иностранцев, в Российском Государстве пребывающих»); в) *недопустимость обратной силы закона* (статья 89. «Каждый закон имеет силу только на будущее время, кроме тех случаев, когда в самом законе постановлено, что сила его распространяется и на время предшествующее, или что он есть

¹ Октябрьский манифест с точки зрения полномочий Государственной думы сделал явный шаг назад в сравнении с тем объемом, который был предусмотрен Манифестом об учреждении Государственной думы от 6 августа 1905 года.

только подтверждение и изъяснение смысла закона прежнего»); г) *обязательность опубликования законов* (статья 91. «Законы обнародуются во всеобщее сведение Правительствующим Сенатом в установленном порядке и прежде обнародования в действие не приводятся»); д) *отмена закона только законом* (статья 94. «Закон не может быть отменен иначе, как только силою закона. Посему, доколе новым законом положительно не отменен закон существующий, он сохраняет полную свою силу»); е) *гарантии сохранения особенностей правового регулирования в регионах страны* (статья 88. «Законы, особенно изданные для какой-либо местности или части населения, новым общим законом не отменяются, если в нем именно такой отмены не постановлено»).

Можно утверждать, что именно Основные государственные законы Российской империи выступили источником для формирования в стране конституционных ценностей, конституционной мифологии и породили конституционные иллюзии в различных слоях российского общества, в том числе и у портного Исроела, который свою убежденность в спасительную для России роль «настоящей конституции» выразил в письме другу в Америку¹.

Еще более наглядно характеризует отношение к возможностям конституционного преобразования России в начале XX века анализ политических сил, которые декларировали приверженность конституционным идеям. Прежде всего речь идет о Конституционно-демократической партии, решение о создании которой было принято в июле 1905 года.

В. И. Ульянов (Ленин) в работе «Победа кадетов и задачи рабочей партии» был вынужден дать трансформированному политическому режиму характеристику «конституционное самодержавие»²,

¹ Следует согласиться с оценкой В. И. Ленина ситуации 1917 года, что «весь гвоздь всего современного политического положения в России состоит в том, что чрезвычайно широкие массы населения проникнуты конституционными иллюзиями. Нельзя ровно ничего понять в современном политическом положении России, не поняв этого. Нельзя сделать решительно ни одного шага к правильной постановке тактических задач в современной России, не поставив во главу угла систематическое и беспощадное разоблачение конституционных иллюзий, раскрытие всех их корней, восстановление правильной политической перспективы» (Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. пятое. Т. 34: Июль — октябрь 1917. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1969. С. 33).

² Развивая ленинскую формулу, советские авторы отмечали, что «специфической функцией конституционного самодержавия объективно оказалось создание и распространение конституционных иллюзий» (см.: Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма. М.: Наука, 1975. С. 290).

запустив в оборот различные аллегории о «конституционных костюмах самодержавия»¹ и определение Основных государственных законов как «кадетской конституции» [В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 60]:

Единственно возможным способом удержать самодержавие становится «конституционное самодержавие», становится создание и распространение конституционных иллюзий. Это — единственно правильная, единственно разумная политика самодержавия [В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 306].

Партия кадетов, в состав центрального комитета которой входили ведущие юристы, составившие цвет российской правовой науки (М. М. Винавер, И. В. Гессен, Ф. Ф. Кокошкин, В. А. Маклаков, М. Л. Мандельштам, С. А. Муромцев, В. Д. Набоков, Л. И. Петражицкий, И. И. Петрункевич, Ф. И. Родичев, П. Б. Струве, Н. В. Тесленко и Г. Ф. Шершеневич), очень быстро осознала, что для большинства населения страны малопонятными остаются как сами понятия «конституция» и «демократия», так и их объединение в названии партии «конституционно-демократическая». Уже на II съезде партии ее название было обогащено понятиями русского происхождения — Партия народной свободы.

Не должен вводить в заблуждение успех конституционных демократов в ходе выборов в первую Государственную думу, в которой они, получив почти 36% голосов, образовали крупнейшую депутатскую фракцию (179 мест из 499), провели в председатели Думы члена ЦК партии С. А. Муромцева и заняли практически все ключевые посты — членами партии кадетов были все заместители председателя Государственной думы и председатели 22 комиссий. Во второй Думе фракция кадетов имела уже 98 мест, в третьей — 54. Ведущие юридические умы России, основоположники отечественного конституционного права не смогли донести свои подходы и идеи до широких масс избирателей. Партия кадетов даже с вывеской «народной свободы» так и осталась партией интеллигенции и либерального дворянства. Перед маховиком большевизма не устояли ни партия кадетов, обладавшая рядом ключевых постов во Временном правительстве, ни сама идея конституционной демократии.

¹ Подобные аллегории применяются до сих пор. См., напр.: Зінченко О. В. Основні державні закони Російської Імперії 1906 р. — конституція чи «конституційний костюм» самодержавства?// Проблеми законності. 2011.

Конституционные иллюзии и мифы России на сломе

В настоящее время в США и в Европе конституционная мифология является достаточно действенной и функциональной [Ghetti P. S., 2007. P. 5]. Весьма востребована конституционная мифология и в современной России. Система российских конституционных мифов глубинно связана с базовыми мифами российской государственности. Базовые конституционные мифологемы современной России восходят к эпохе разрушения Союза ССР — эпохе, в которой «Устав КПСС представлял собой подлинную Конституцию СССР» [May В. А., 2017. С. 201], и становления Конституции Российской Федерации 1993 года.

Конституционно-правовая история СССР переполнена мифологией — и про будто бы признававшиеся и гарантированные политические права, и про дружбу народов, приведшую к формированию новой исторической общности — «советского народа», и про легитимность захвата власти в 1917 году [см., напр.: Краснов М., 2007. С. 31]. Впрочем, не менее мифологизированным был распад, а точнее — разрушение Союза ССР [см., напр.: Шахрай С. М., 2012], причем как со стороны критиков разрушения, так и со стороны положительно его оценивавших.

Вся советская история управления состоит из циклов централизации и децентрализации, последний вариант которой вкупе с безволием первого и последнего Президента СССР Михаила Горбачева привел к разрушению Советского Союза в 1991 году. О 1990-х в России можно сказать словами, которыми начина-

ется «Повесть о двух городах» Чарльза Диккенса [Чарльз Диккенс, 2011]:

Это было самое прекрасное время, это было самое злосчастное время — век мудрости, век безумия, дни веры, дни безверия, пора света, пора тьмы, весна надежд, стужа отчаяния, у нас было все впереди, у нас впереди ничего не было...

События конца 1980-х — начала 1990-х годов не могли не вызвать всплеска конституционных иллюзий сначала у либеральной интеллигенции, затем у все более широких слоев населения. Проект Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии А. Д. Сахарова (14 декабря 1989 года) утверждал в качестве «цели народа Союза Советских Республик Европы и Азии и его органов власти — счастливая, полная смысла жизнь, свобода материальная и духовная, благосостояние, мир и безопасность для граждан страны, для всех людей на Земле независимо от их расы, национальности, пола, возраста и социального положения» (статья 2), а первым среди прав человека упоминал «право на жизнь, свободу и счастье» (статья 5). Конституционным и по сути, да и по структуре был очерк А. И. Солженицына¹ «Как нам обустроить Россию»² (июль 1990 года).

Не менее интересной была реальная конституционная жизнь. Параллельно проходили процессы создания новых конституций Союза ССР, РСФСР, активное конституционное проектирование велось в столицах союзных и автономных республик. То, что нужны были новые конституции, не вызывало сомнений. Кардинальные преобразования политического строя и экономики обусловили содержательную необходимость новых конституционных текстов. С точки зрения конституционного дизайнера тексты конституций превратились в собрание поправок, изменений и дополнений,

¹ Очерк среди прочих включает следующие главы: «А что есть Россия?», «Слово к великороссам», «Слово к украинцам и белорусам», «Слово к малым народам и народностям», «Земля», «Хозяйство», «Провинция», «Семья и школа», «Самоограничение», «Все ли дело в государственном строе», «О государственной форме», «Что есть демократия и что не есть», «Всеобщее-равное-прямое-тайное», «Способы голосования», «Народное представительство», «Партии», «Демократия малых пространств», «Земство», «Степени передачи власти», «Сочетанная система управления», «Предположения о центральных властях».

² В первых публикациях название эссе не содержит вопросительного знака (в отличие от авторской рукописи), в полном собрании сочинений он добавлен.

в них не осталось статей¹, которые не были бы в той или иной степени переработаны.

Первыми съездами народных депутатов СССР (июнь 1989 года) и РСФСР (июнь 1990 года) принимаются решения об образовании конституционных комиссий. Комиссию по разработке общесоюзной конституции возглавил Председатель Верховного Совета СССР, Генеральный Секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, российской — Председатель Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцин.

Тезис о новой союзной конституции был обоснован в постановлении Съезда народных депутатов СССР от 9 июня 1989 года «Об основных направлениях внутренней и внешней политики»:

...в новой Конституции следует воплотить принципы гуманного, демократического общества, утвердить социально-экономические и политические основы построения Советского государства, договорно-конституционную природу взаимоотношений между Союзом ССР и союзными республиками, развития всех видов автономии, высокий статус Советов, неотъемлемые права человека, безопасность и правовую защищенность личности. Съезд заявил, что новая Конституция должна воплотить в себе такую социально-экономическую и государственную структуру, которая сделала бы невозможным возникновение культа личности, авторитарности, сохранение командно-административной системы².

12 июня 1990 года, принимая документ огромной разрушительной для союзной государственности по своему содержанию и последствиям силе — Декларацию о государственном суверенитете РСФСР, — I Съезд народных депутатов РСФСР установил, что положения Декларации должны быть приняты за основу при разработке нового текста конституции РСФСР. 16 июня 1990 года Конституционная комиссия была сформирована, началась яркая интеллектуальная работа по выработке конституционных текстов.

¹ В Конституцию РСФСР в 1989 году было внесено 25 поправок, с мая 1990 по октябрь 1992 года было принято 8 законов об изменениях и дополнениях Конституции РСФСР (31 мая, 16 июня, 15 декабря 1990 года; 24 мая, 1 ноября 1991 года; 21 апреля, 9 декабря, 10 декабря 1992 года), внесено более трехсот поправок: в 1990 году — 53, в 1991 году — 29, в апреле 1992 года — 177, в декабре 1992 года — около 90.

² Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. № 3. Ст. 52.

По прошествии десятилетий после принятия 12 декабря 1993 года Конституции Российской Федерации события, предшествовавшие всенародному голосованию, оказались в значительной степени мифологизированы. Так, утверждается, будто Конституция Российской Федерации была принята в ходе референдума, хотя на самом деле 15 октября 1993 года Президентом Российской Федерации Б. Н. Ельциным был подписан Указ о всенародном голосовании по ее проекту. Этим же указом было утверждено Положение о всенародном голосовании по проекту Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года, которым определялось, что проект конституции будет считаться одобренным в том случае, если за ее принятие проголосует большинство избирателей, принявших участие в голосовании, при том условии, что участие в голосовании приняло более половины числа зарегистрированных избирателей.

В действительности же референдум провести было просто невозможно. В 1993 году еще действовал Закон о референдуме РСФСР, относивший право назначения референдума к исключительным полномочиям Съезда народных депутатов Российской Федерации или Верховного Совета Российской Федерации (статья 9 Закона). Президент России не был правомочен объявить проведение референдума. Спасительной «загогулиной», позволившей проигнорировать требования Закона о референдуме РСФСР, стал термин «всенародное голосование».

В советской политической практике одной из форм реализации народного суверенитета выступало «всенародное обсуждение конституций». Выросший из вполне позитивной политической идеи ознакомления широких масс населения с положениями предлагаемых конституционных и иных законодательных актов формат всенародного обсуждения был объявлен одной из форм непосредственной демократии (наряду с институтами выборов и референдума). Апробированный в 1920-е годы при обсуждении законов о браке и семье, образовании, формат всенародного обсуждения был использован при подготовке Конституций СССР 1936 и 1977 годов, использовался при рассмотрении целого ряда законопроектов в 1980-е годы и в период перестройки.

Если по официальной информации во всенародном обсуждении Конституции в 1936 году приняло участие более 50 млн человек и в Конституционную комиссию было направлено 154 тыс. предложений, то для проведения всенародного обсуждения Конституции 1977 года было проведено 1,5 млн собраний трудящихся, в которых приняло участие 140 млн человек, естественно, что особую актив-

ность проявили партийные организации КПСС, проведя 450 тыс. открытых партийных собраний.

«Воздействие всенародного обсуждения на содержательную сторону законодательного процесса выразилось прежде всего во внесении 340 изменений, затронувший 118 статей проекта нового Основного закона страны. Первый вид изменений — дополнения: по одному слову в статье — 38 дополнений, по два — 10, по три и более слов — 29, по предложению — 31, по абзацу — 13, одна статья (102)¹ внесена целиком» [Кронский В. С., 1985. С. 43]. Принятая после активного всенародного обсуждения Конституция СССР 1977 года закрепила этот институт в статье 114, предусмотрев возможность вынесения на всенародное обсуждение законопроектов решением Верховного Совета СССР или его президиума.

Устоявшиеся в общественном сознании и политической практике традиции всенародного обсуждения были использованы при преодолении политического кризиса сентября — октября 1993 года. Формат «всенародного голосования», очевидно воспринявший советскую практику «всенародного обсуждения», очень быстро трансформировался в миф о принятии Конституции Российской Федерации 1993 года на «всенародном референдуме».

В этой формуле наглядно обращение к традициям и практикам советского конституционализма, стремление использовать понятные процедуры и механизмы легитимации политических целей. Успешность подобного использования продемонстрирована при преодолении политического кризиса осени 1993 года. Предложение Президента Российской Федерации Бориса Ельцина разрешить противостояние между президентом и Верховным Советом СССР через принятие новой Конституции страны отсылает к сформированному и поддерживаемому в ходе всей советской истории исключительно уважительному отношению к конституции.

Неоднозначный² с точки зрения своего соответствия действовавшей на тот период Конституции Российской Федерации

¹ Статья 102. Избиратели дают наказаы своим депутатам: «Соответствующие Советы народных депутатов рассматривают наказаы избирателей, учитывают их при разработке планов экономического и социального развития и составлении бюджета, организуют выполнение наказов и информируют граждан об их реализации».

² Решением Конституционного Суда Российской Федерации 21 сентября 1993 года Указ Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» от 21 сентября 1993 года № 1400 и его Обращение к гражданам России 21 сентября 1993 года

1978 года Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 1993 года «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» в качестве одного из главных упреков в адрес Верховного совета СССР констатировал:

Верховный Совет блокирует решения Съездов народных депутатов Российской Федерации о принятии новой Конституции. В текущей работе Верховного Совета систематически нарушается его регламент, порядок подготовки и принятия решений. Обычной практикой на сессиях стало голосование за отсутствующих депутатов, что фактически ликвидирует народное представительство. Таким образом разрушаются сами основы конституционного строя Российской Федерации: народовластие, разделение властей, федерализм. Еще не успев возникнуть и окрепнуть, дискредитируется сам принцип парламентаризма в Российской Федерации,

а главным поручением указа стало:

Конституционной комиссии и Конституционному совещанию представить к 12 декабря 1993 года единый согласованный проект Конституции Российской Федерации в соответствии с рекомендациями Рабочей группы Конституционной комиссии.

Простая формулировка вопроса, принимаете ли вы Конституцию Российской Федерации — «да» или «нет», — обращалась к массовому сознанию привыкших отмечать День Конституции как один из главных государственных праздников граждан страны, в которой еще далеко не везде выгорели кумачовые транспаранты с лозунгами: «Конституция СССР — Основной закон нашей жизни», «Да здравствует Конституция страны социализма!» Под лозунгом «Уважайте советскую конституцию» 5 декабря 1965 года на Пушкинской площади прошла первая правозащитная демонстрация советского времени. Ее инициатор — сын Сергея Есенина Александр Есенин-Вольпин — был эффективно быстро задержан компетентными органами и спустя несколько часов отпущен, а пережив небольшую

были признаны не соответствующими части второй статьи 1, части второй статьи 2, статье 3, части второй статьи 4, частям первой и третьей статьи 104, части третьей пункта 11 статьи 121⁵, статье 121⁶, части второй статьи 121⁸, статьям 165¹, 177 Конституции Российской Федерации. Конституционный суд пришел к заключению, что действия президента служат основанием для отстранения Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от должности или приведения в действие иных специальных механизмов его ответственности в порядке статьи 121¹⁰ или 121⁶ Конституции Российской Федерации.

трансформацию, «Уважайте вашу Конституцию» стал лозунгом советских диссидентов. Упование на мистическое значение положений конституции для решения не только конституционных, но и вполне практических задач оценил С. М. Шахрай:

Стремление считать единственным способом решать любые насущные вопросы — от борьбы с коррупцией до починки котельной — путем немедленного изменения Конституции свидетельствует скорее о «подростковом максимализме» общества, чем о несовершенстве Основного закона [Шахрай С. М., 2013. С. 15–16].

К этому восприятию, к этой советской иллюзии мистических способностей конституции обратился президент Б. Ельцин, предложив конституцию как способ предотвращения гражданской войны, первые бои которой состоялись на Краснопресненской набережной 3–4 октября 1993 года.

12 декабря 1993 года голосование состоялось. За принятие конституции проголосовало 58,43%, против — 41,57%. Новая конституция была принята и вступила в действие со дня ее опубликования — 25 декабря того же года.

Актом высочайшей государственной мудрости следует считать совершенное во исполнение телеграммы председателя Центральной избирательной комиссии Н. Т. Рябова [Румянцев О. Г., 2009. С. 78] уничтожение бюллетеней всенародного голосования в апреле 1994 года¹. Это решение исключило возможность пересчета голосов и тем самым избавило неконструктивные политические силы от соблазна оспорить итоги фундаментального для современной российской государственности события. В конце концов в жизни каждого государства, каждого общества, каждой семьи, каждого человека должны быть некие события (юридические факты), которые не подлежат оспариванию, выступают основой их стабильности, исключают возможность возвращения в мучительное состояние исторического выбора. В жизни названных институтов должны быть некие ценности, воспринимаемые на веру, не оспариваемые и не обсуждаемые.

¹ В ноябре 1994 года «Бюллетень ЦИК» сообщал: «Региональные (головные) избирательные комиссии провели в апреле текущего года работу по уничтожению бюллетеней по выборам в Совет Федерации, Государственную думу и голосованию по проекту Конституции Российской Федерации, состоявшимся 12 декабря 1993 года...»

Очевидно, что роль Конституции Российской Федерации 1993 года в российском обществе и государстве не ограничивается ее признанием в качестве Основного закона страны. Прошедшее с момента принятия действующей Конституции Российской Федерации время — срок, достаточный для того, чтобы оценить пройденный путь, понять собственные достижения и ошибки. Но и сейчас нередко слышатся голоса о недостаточной демократичности процедуры ее принятия.

Президенту Французской Республики Франсуа Миттерану (1981–1995 годы президентства) приписываются слова, что референдум — отличная и очень демократичная вещь, но проблема в том, что французам задаешь один вопрос, а они отвечают на другой. Похоже, эта черта характерна не только для французов. Вряд ли большинство поддержавших Конституцию в декабре 1993 года внимательно ознакомились с ее текстом. Речь шла скорее о поддержке определенного политического курса, закреплении победы одной политической силы над другой. Тем самым итоги всенародного голосования — «референдум 1993 года» — подтвердили классическое определение Ф. Лассаля — В. Ленина о конституции как закреплении соотношения политических сил.

При всей неоднозначности истории подготовки, назначения и проведения референдума о принятии Конституции Российской Федерации во второй половине 1993 года именно этот государственно-правовой акт закрепил уничтожение советской государственности и победу политических сил, которым и предстояло сформировать новые государственные, политические и экономические институты. Конституция с этой задачей справилась.

Конституционная мифология постсоветского пространства

После разрушения Союза ССР в «новых независимых государствах», образовавшихся на постсоветском пространстве, активизировался процесс создания конституционных мифов и легенд. Процессы формирования легенд о собственной конституционной истории являются естественной частью более широкого дискурса — поиска элементов национальной многовековой, а лучше многотысячелетней государственности. Поводы и причины подобного мифостроительства вполне очевидны и объяснимы. При этом редкое из новых постсоветских независимых государств избежало соблазна дополнить собой классическое трио «Древний Египет — Древняя Греция — Древний Рим», превратив тем самым его в квартет древнейших государств. И даже этот забавный в своей наивности процесс заслуживает исключительно доброжелательного отношения. Если только при героизации собственной государственности не происходит искажения истории других, как правило, соседних государств.

При формировании нового взгляда на свою историю, на процессы становления государственных институтов лишь одна страна, образовавшаяся после разрушения Союза ССР, была лишена возможности обвинить во всех трудностях и проблемах внешнюю силу. Это — Россия. Все остальные государства, каждое по-своему, с учетом интересов текущего политического процесса, воспользовались соблазном найти внешнюю причину всего негативного. В качестве таковых номинировались различные феномены: «ок-

купационный», «тоталитарный», «коммунистический», «кремлевский», «империалистический» и т. п. характеристики советского политического строя. В наиболее крайней форме виноватыми объявлялись обобщенно «Россия» и «русские». Нередко подменяются и искажаются смыслы и подтексты реальных исторических событий, используются термины «геноцид», «голодомор», «оккупация», «аннексия».

Распространенной практикой становятся придание всемирно-исторического значения локальным региональным событиям, объявления конституционными актами собраний местных обычаев, философских трактатов или же проектов интеллектуалов и региональных политических деятелей. Эти подходы отражаются в конституционных и политико-правовых актах, законодательстве и историографии, экспертной аналитике и социологии. Причем указанные приемы используются не только в странах, проводящих откровенно враждебную по отношению к России политику, но и в тех, которых принято считать союзниками и которые входят в различные интеграционные объединения с участием России.

Базовым концептом конституционного строительства выступает тезис о «многовековой истории национальной государственности». С разной степенью научной обоснованности он нашел свое отражение в конституциях Азербайджана, Беларуси, Грузии, Литвы, Украины.

Особняком в упомянутом перечне стоит Конституция Армении 1995 года, которая, несмотря на действительное наличие многовековой истории государственности, ограничивается содержащейся в преамбуле ссылкой на «осуществление завета своих свободолюбивых предков». Удержались армянские авторы и от позиционирования в качестве конституционных истоков принятого армянским Национальным собранием Константинополя в 1860 году и утвержденного в 1863 году Положения об армянской нации. Из очевидно интересного следует отметить обозначение в качестве основного принципа обязанностей каждого члена армянской нации в отношении нации, а нации, в свою очередь, — в отношении каждого члена нации.

В ряде конституций происходит обращение к историческим документам. Латвия вернулась к действию Конституции 15 февраля 1922 года. Преамбула Конституции Литвы (1992 год) возво-

дит правовой фундамент литовской государственности наряду с конституциями Литовской республики на Литовских Статутах¹.

Член Конституционного совета Республики Казахстан А. Нурмагамбетов, сожалея, что «кодифицированные акты не сохранились в полном объеме», обнаружил «элементы конституционализма в ранний период становления государственности казахов². В частности, в „Жеті жарғы“ (Семь Уложений) были закреплены нормы, регулирующие право собственности на пастбища и водоемы, семейно-брачные отношения, имущественные и личные права вдов и сирот, другие положения, оказавшие огромное влияние на развитие кочевого хозяйства, способствующие всестороннему обеспечению прав соплеменников, особенно социально незащищенных членов общества³».

Первым проектом Казахской конституции объявлен «Қазақ елінің Уставы» («Устав страны казахов») 1911 года. Соответствующей предъявляемым к конституциям критериям признана программа партии «Алаш» (1917 год), состоявшая из десяти пунктов (государственное устройство, местная свобода, основное право, религия, власть и суд, защита народа, налоги, рабочий вопрос, развитие науки и просвещения, земельный вопрос). Лаконичность программы, поместившейся на страницах одного выпуска газеты «Казах» 21 ноября 1917 года, не стала препятствием для утверждения президента Казахстана Н. А. Назарбаева, что эта программа «несла в себе больше конституционализма, нежели все конституции советской модификации» [цит. по: Матаева Т. Х., 2018. С. 10–14].

Чрезвычайно активно продуцируется конституционная мифология на Украине, причем всеми разнообразными сторонами

¹ Литовские Статуты — своды законов Великого княжества Литовского второй половины XVI века (1529, 1566, 1588 годы), представлявшие собой объединение норм обычного права, писаного права, местной судебной и административной практики. Многие историки права считают Литовские Статуты «своеобразной феодальной конституцией Великого княжества Литовского». Литовский Статут 1588 года действовал в ряде губерний Российской империи после их присоединения (Витебской, Могилевской, Виленской, Гродненской, Минской) до середины XIX века.

² На эту роль назначены своды степных законов начала XVI века «Қасым ханның қасқа жолы» («Светлый путь хана Касыма») и «Жеті жарғы» (Семь Уложений).

³ Истоки казахстанского конституционализма // Казахстанская правда. 2015. 25 авг.

бесконечной политической «рукопашной»¹. Статус лидера в поиске истоков национальной государственности Украина подтвердила, объявив первой (по совместительству) Конституцией Европы «первую украинскую конституцию — Конституцию Филиппа Орлика 1710 года» [Holovaty S., 1997. P. 130–131; Pritsak Omeljan, 1998. P. 471–496; Шишкин В., 2007. С. 25].

При этом сторонники подобной претензии игнорируют требование разрешить очевидное логическое противоречие: если данный акт действительно следует признать конституцией, то в таком случае ему принадлежит первенство среди конституций не только Европы, но и всего мира, так как по устоявшемуся мнению первой конституцией за пределами Украины принято считать Конституцию США 1787 года (принята на 77 лет позже рассматриваемого документа), что вряд ли позволительно с точки зрения геополитической корректности; с другой стороны, если и занижать планку требований к источникам, претендующим на статус первой конституции Европы, надлежит определиться с аналогичными претензиями Сан-Марино, выставляющим на конкурс конституционного первородства Законодательный статус 1600 года.

Добавляет забавности ситуации тот факт, что написанный на двух языках (западнорусском и латыни) в типичных для петровской эпохи стиле и языке документ с вполне утилитарным и незатейливым предназначением — разграничить полномочия между избранным беглыми соратниками Ивана Мазепы «гетманом Украины» Ф. Орликом и запорожскими старшинами — носит вполне традиционное название:

Договоры и постановления Прав и вольностей войсковых между Ясне вельможным Его милости Паном Филиппом Орликом новоизбранным войска Запорожского Гетманом, и между Генеральными особами Полковниками и тым же войском Запорожским с полною з обеих сторон обрадою Утверженные При вольной Елекции формальною присягою от того же Ясне вельможнаго Гетмана Потверженные. Року от рожества Христова αψι Месяца Априля ε:.

¹ См., напр.: Зубченко А. Конституционная мифология. <<http://www.versii.com/news/215856/>>. 04.10.2010; Шаповал В. Феномен конституции в контексте отечественной политико-правовой «мифологии». <http://gazeta.zn.ua/POLITICS/fenomen_konstitutsii_v_kontekste_otechestvennoy_politiko-pravovoy_mifologii.html>. 08.08.2008.

И лишь в латинской версии названия «Pacta et Constitutiones legum libertatumque Exercitus Zaporoviensis» присутствует искомое понятие, что и стало основанием для перевода на украинский как «Пакти й конституції законів і вольностей Війська Запорозького».

В версии президента Украины П. Порошенко ситуация выглядит кардинально другой:

5 апреля 1710 года гетманом Пилипом Орликом были подписаны Пакты и Конституции прав и вольностей Войска Запорожского — символ казацкой государственности и демократии. Это был один из первых в Европе правовых актов, который закладывал основы республиканской формы правления. Идеи и системы сдерживаний и противовесов между ветвями власти, предусмотренные документом, стали основой для многих европейских демократий, в частности и демократического уклада современной Украины.

Учебник «Истории Украины» для 8-го класса возводит документ в ранг «первой украинской конституции» [Власов В. С., 2016. С. 192]:

...данный документ считают первой украинской конституцией...

Во вступлении было подано краткое изложение истории Украины, объявлены причины разрыва отношений с Россией и принятия протектората шведского короля. Прежде всего провозглашалось, что Украина «обеих сторон Днепра должна быть на вечные времена свободной от чужого господства».

Конституция Ф. Орлика предусматривала меры, ограничивающие власть гетмана и не допускавшие учреждения монархической формы правления... Важные финансовые дела должны были решаться только на Генеральной раде...

Были обеспечены права и привилегии запорожцев, а также определен их особый статус.

Государственной религией объявлялось православие, а Киевская митрополия должна была выйти из подчинения московского патриархата. Таким образом, Конституция Ф. Орлика не только провозглашала независимое Украинское государство, но и закрепляла наиболее прогрессивные для того времени идеи государственной жизни... Документ заложил основы принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную ветви, вводил выборность должностей.

Подробная цитата не нуждается в комментариях и приведена для наглядности ситуации, когда в интересах современной полити-

ческой конъюнктуры производятся архивные и археологические раскопки¹, литературные и философские изыскания, по итогам которых можно наблюдать зарождение новых политических мифов и легенд. Автор и заказчики учебника обогатили исторической ретроспективой современный дискурс украинской политики: здесь и единство «обеих сторон Днепра», и необходимость отделения Киевской митрополии от Русской православной церкви, и даже полномочиям Верховной рады нашлось место. Для пущей солидности в различных актах находят истоки современных политико-правовых идей. От «Конституции Филиппа Орлика» до написания «Духа законов» должно было пройти еще 38 лет, что позволяет современным украинским правоведам обвинить Ш. Л. Монтескье в плагиате. Как иначе можно оценить позицию судьи Конституционного суда Украины В. И. Шишкина [Шишкин В., 2007]:

Цивилизованный мир воспринял в качестве идеальной ту конфигурацию устройства государственной власти, которую приписывают Монтескье, с делением на функционально автономные институты: парламент — правительство — суд. Но были ли взгляды Монтескье вполне оригинальными? И здесь мы опять возвращаемся к Конституции, принятой в 1710 году представительным собранием украинского казачества. Отдать преимущество Монтескье нельзя уже по той простой причине, что он родился в 1689 году, т. е. в 1710 году ему был двадцать один год и он только начал работать адвокатом после получения университетского юридического образования. Философские труды с изложением идеи разделения власти он начал печатать только впоследствии («Персидские письма» — 1721, «Размышления о причинах величия и падения римлян» — 1734, «О духе закона...» — 1748). Следовательно, идеи Монте-

¹ Так, найденная в 1997 году вместе с болгарской домонгольской керамикой монета, выпущенная в Чехии ориентировочно в первой половине X века, послужила основанием для резкого взросления столицы Татарстана — Казани. В 1977 году на основании упоминания города в «Казанской истории» планировалось отметить 800-летие города, да и с точки зрения советской политической корректности все складывалось хорошо (Казань хотя и на 30 лет, но была моложе первопрестольной). И все же решением из Москвы празднование было отменено. В условиях «парада суверенитетов» как нельзя кстати подвернулась чешская монета, которую, по мнению чешских исследователей, могли просто «обронить» на территории Казани «два члена чешского княжеского посольства, которые взялись передать письмо от кордовского сановника Хасдая ибн Шафрута хазарскому кагану Иосифу», что не помешало в 2005 году отметить тысячелетие Казани. Причем всеми сомнениями надлежит пренебречь, признавая тот неоспоримый факт, что под эгидой и прикрытием празднования в инфраструктуру города были вложены значительные финансовые средства.

Конституционные мифы и конституционные иллюзии

ске отнюдь не могли обусловить взгляды Пилипа Орлика на организацию законодательной, исполнительной и судебной ветвей государственной власти. Можно допустить, что, наоборот, у Монтескье была возможность ознакомиться с трудами и документами Пилипа Орлика, написанными на латыни. Великому же Вольтеру в 1710 году было всего шестнадцать. Другие известные французские философы и просветители, а также «отцы» американской конституции еще в то время не родились. Объективно получается, что само появление идеи разделения власти могло быть связано именно с именем Пилипа Орлика; что же касается политико-нормативной ее реализации, то первенство здесь безусловно принадлежит украинскому гетману.

Очевидно, что и придание статуса конституционного акта документу, разграничивающему полномочия между военачальниками, не рассматривающемуся и не принятому никакими органами власти, не вступившему в силу даже в весьма скромном своем предназначении, является наглядным примером конституционного мифа внутригосударственного значения. Претензии же на первородство в формулировании доктрины разделения властей можно включить в широкий перечень мифов и легенд, используемых политическими и интеллектуальными кругами Украины для формирования украинской национальной идентичности.

Конституционное обрамление предлагается придать политическому вектору современного руководства страны на вступление в Европейский союз и НАТО, обсуждается идея закрепить подобные стремления в тексте конституции страны, вероятно, посредством изменения статьи 18 Конституции, действующая редакция которой выглядит следующим образом:

Внешнеполитическая деятельность Украины направлена на обеспечение ее национальных интересов и безопасности путем поддержания мирного и взаимовыгодного сотрудничества с членами международного сообщества на основе общепризнанных принципов и норм международного права.

Иллюзорность такой конституционной нормы понимается инициаторами, которые видят ее смысл в демонстрации геополитического выбора.

Конституционные мифы — в прошлом! Конституционных иллюзий — больше нет?

Провести четкую границу (тонкую красную линию) между конституционным мифом и конституционной иллюзией весьма затруднительно. Более того, такие активно взаимодействуют между собой, перетекая из одного состояния в другое и обратно, активно смешиваясь и иным сложным образом коррелируя друг с другом.

Конституционные мифы отличаются от конституционных иллюзий тем, что первые создаются сознательно, образуя некоторые «подпорки» конституционной идеологии и выступая ее неотъемлемыми частями, парадигмальными, в том числе телеологическими и деонтологическими элементами, тогда как конституционные иллюзии — это заблуждения, несбывшиеся (в том числе обманутые) надежды, а также надежды, о которых общество в массе своей еще не знает, что они несбыточны.

Важное отличие мифов от иллюзий заключается в их противоположной временной направленности: миф рождается в прошлом, обусловлен прошлым и содержит версию прошедшего события; иллюзия преимущественно обращена в будущее, характеризует современные настроения и надежды своих носителей. Так, когда мы обращаемся к характеристике иллюзий, свойственных той или иной исторической эпохе, всегда оцениваем не столько то, что вызвало их к жизни, сколько то, какие ожидания были с ними связаны и в какой степени им удалось воплотиться в действительности.

При этом мифы и иллюзии органично связываются в общественном сознании настоящего: одни отвечают за легендарность и достоинство прошлого, другие обещают светлое будущее. Одной из причин возникновения конституционного мифа может стать желание постфактум обосновать оправданность конституционных иллюзий, по прошествии времени постараться признать их максимально реализованными, по крайней мере для того случая, когда речь идет о действующем государственном и политическом строе.

Получаем своего рода цикл — конституционные иллюзии порождают создание конституционных мифов для оправдания свершившихся исторических событий и придания им более возвышенного и более идеалистического целеполагания. Ссылаясь на предположение Карла Маркса, Генри Тюдор раскрывает замысел участников Французской революции, которые «одели свои действия в героическую маскировку, чтобы скрыть истинную природу своего предприятия. Если бы они честно признались себе и своим последователям, что их реальной целью было создание условий, в которых буржуазная торговля и промышленность могли процветать, они никогда не смогли бы действовать с рвением и энтузиазмом, которые требовала задача» [Tudor Henry, 1972. P. 133].

К показательным выводам для характеристики степени присутствия / отсутствия конституционных иллюзий у целого ряда современных обществ приводит анализ лозунгов современных революций, преимущественно «бархатных» и «цветных». Люди, выходящие на площади столиц государств, расположенных на разных континентах, на акции гражданского неповиновения по зову сердца и социальных сетей, не выдвигают лозунгов конституционного переустройства. Закрепленные в писаной конституции правовые и политические конструкции не вызывают отторжения, «революции» не ставят своей целью их изменения.

Напротив, изменения политических режимов происходят, как правило, в рамках неприкосновенных конституций, после успеха «революций» (государственных переворотов) новые политические режимы формируются в рамках конституционных правил и процедур, сформированных и апробированных свергнутыми политическими силами. И даже тогда, когда новые власти приступают к изменению текста конституции, это делается для создания видимости конституционного процесса, а принятие новой конституции выступает скорее символом перехода к новому политическому режиму, нежели действительно характеризует его содержание и направленность. При этом говорить о наличии или возникно-

Конституционные мифы — в прошлом! Иллюзий — больше нет?

вении конституционных иллюзий у населения этих государств не приходится.

Метода «обращение к ценностям и идеалам конституции» нет среди «198 методов ненасильственных действий Джина Шарпа (Gene Sharp, «198 Methods of Nonviolent Action»), а в методичке «От диктатуры к демократии» автор в пяти коротких абзацах дает весьма примитивные рекомендации:

В конституции должны быть сформулированы цели правительства, границы государственной власти, способ и сроки выборов, в ходе которых будут отобраны правительственные чиновники и законодатели, неотъемлемые права граждан, а также отношения национального правительства с местными органами управления.

В пределах центрального правительства, если оно останется демократическим, должно устанавливаться четкое разделение власти между законодательной, исполнительной и судебной ветвями...

Предпочтительно, чтобы конституция устанавливала федеральную систему со значительными правами, делегируемыми региональным, районным и местным уровням управления. В некоторых случаях можно рассмотреть возможность использования швейцарской системы кантонов, в которой небольшие территории обладают основными полномочиями, оставаясь частью страны.

Если конституция, содержащая многие из этих положений, существовала ранее в истории новой свободной страны, может оказаться предпочтительным ввести ее в силу вновь, внося в нее необходимые и желательные поправки. При отсутствии пригодной старой конституции может оказаться необходимым использовать конституцию переходного периода. Но, может быть, придется разрабатывать новую конституцию. Подготовка новой конституции потребует значительного времени и размышлений. Участие народа в этом процессе является желательным и необходимым для ратификации нового текста или поправок. Необходимо весьма осторожно вводить в конституцию обязательства, которые позже может оказаться невозможно выполнить, или положения, которые потребуют высокой централизации правления, так как и то и другое может способствовать возникновению новой диктатуры.

Текст конституции должен быть легко понятным для большинства населения. Конституция не должна быть настолько сложной или двусмысленной, что только юристы и другие элиты способны ее понять¹.

И это ВСЁ! Дж. Шарп оставляет конституционные иллюзии, доктрины и мифы «старым демократиям» и «просвещенным наро-

¹ http://bookscafe.net/read/sharp_dzhin-ot_diktatury_k_demokratii-30896.html#p28.

дам». Для достижений целей «демократизации» излишне прибегать к столь сложным, обладающим философским содержанием материям, достаточно простых символов и характеристик: «бульдозерная революция» для Югославии (2000 год), «революция роз» для Грузии (2003 год), «пурпурная революция» для Ирака (2003–2005 годы), «оранжевая революция» (2004 год) и «евромайдан» (2013–2014 годы) для Украины, «тюльпановая» (2005 год) и «дынная» (2009 год) революции для Киргизии, «революция кедров» для Ливана (2005 год), «шафрановая революция» для Мьянмы (2007), «сиреневая» (2009 год) и «хризантемовая» революции (2015–2016) для Молдавии, «жасминовая революция» для Туниса (2010–2011 годы), «революция лотосов» для Египта (2011), различные версии «арабской весны» для Сирии, Ливии и Египта.

Неудавшиеся «революция зонтиков» (Китай, Гонконг, 2014–2015 годы), «революция розеток» (Армения, 2015), «васильковая» (Беларусь, 2006 год) или «болотные» протесты (Россия, 2012), безмянные протесты в Македонии, Малайзии, Монголии, Бразилии, Южной Корее, Узбекистане не сопровождались выдвиганием требований конституционного толка.

Т. Я. Хабриева в работе «Конституционная реформа в современном мире» [Хабриева Т. Я., 2018. С. 65] обращает внимание на содержащееся во французской литературе замечание, что это «магическое слово» (имеется в виду конституция. — Т.Х.) используется в период, когда в жизни народа завершается «процесс рационализации и национализации власти». Конституция — нечто наиболее ценное, Основной закон, выражающий политические права нации, форму управления и организации политической власти» [Giquel F., Giquel F.—E., 2011. P. 183]. Однако приведенная цитата содержит явное противоречие: если под конституцией только и исключительно понимается «Основной закон, выражающий политические права нации, форму управления и организации политической власти», то в этом понимании уже нет никакой «магии». «Процессы рационализации и национализации власти» в современных государствах вполне успешно реализуются за пределами собственно конституционного регулирования. Поясним: эти процессы зачастую осуществляются в рамках конституций и в полном соответствии с ее положениями. При этом существо этих процессов может быть противоречащим самим основам конституционного строя.

Все без исключения государства к началу XXI века обзавелись системами, которые они трактуют как конституционные, демократические. Фетишизация конституций, под которой понимает-

ся вмененность ее наличия любому уважающему себя государству, ситуация, когда признаться в отсутствии конституции для государства стало верхом неприличия, равно что признаться в допустимости каннибализма, сыграло злую шутку. Конституция перестала восприниматься как акт магической силы — общественного договора. Причем с точки зрения исторической справедливости вполне заслуженно: ведь когда-то она сама отвергла идею божественного происхождения власти, заменив ее доктринами «народного суверенитета» и «общественного договора».

«Еще со времен Правдивой истории Лукиана слишком усердные уверения в истинности воспринимаются как верный признак того, что перед нами художественный вымысел» [Эко Умберто, 2014. С. 439]. По большому счету с тех пор мало что изменилось. Разве что поменялось содержание конституционных мифов и господствующих иллюзий, да существенно усовершенствовались средства их доставки к потребителю. «До сих пор думали, что создание христианских мифов было возможно в Римской империи только потому, что еще не было изобретено книгопечатание. Как раз наоборот. Ежедневная пресса и телеграф... фабрикует больше мифов (а буржуазные ослы верят в них и распространяют их) за один день, чем раньше можно было изготовить за столетие», — утверждал Карл Маркс [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 215]. Геометрическую прогрессию Карла Маркса можно продолжить: ежесекундно интернет фабрикует и поставляет мифы в масштабах, несравнимых с возможностями прошлого. Некоторые из этих мифов предстают в формате новостей, другие — обозначаются фейками (выбор понятия определяется заинтересованностью современных «буржуазных ослов»). Где же здесь сформироваться конституционным мифам и иллюзиям?!

Что же делать с конституционной мифологией? Существует идеалистическое мнение, озвученное Франсиско Александре де Пайва Форте, что конституционные мифы должны трансформироваться из утопий в конституционные инструменты в соответствии с реальностью [Forte F. A. P., 2007. P. 197]. Хотелось бы его поддержать с оговоркой, что само предложение в таком случае следует признать иллюзией. Это не отвергает подхода, в соответствии с которым задача исследователей конституционных мифов и иллюзий состоит не в развенчании мифов и искоренении иллюзий, а напротив, во всемерной их правовой обработке, утверждении пусть и идеалистических воспоминаний в качестве неотъемлемых элементов

истории государственности, а возможно, не вполне обоснованных надежд в роли ориентира для ее развития.

Конституционные мифы прошлого продолжают сопровождать современное общество, они оказывают воздействие на дискуссии о развитии государства, общества, человека в эпоху постмодернизма. Это сопровождение осуществляется в трактовке Умберто Эко: «...раз уж прошлое невозможно уничтожить, ибо его уничтожение ведет к немоте, его нужно переосмыслить, иронично, без наивности» [Эко У., 2007. С. 130]. Это переосмысление не уничтожает конституционные мифы прошлого, но перечеркивает возможность формирования новых. Прагматичная и исключительно политически ориентированная современная конституционная доктрина не закладывает условий для возникновения новых мифов.

Основополагающие конституционные иллюзии прошлого истощены. Эпоху можно считать законченной¹. Возможно, и даже вероятно, общество в новую эпоху (информационную, цифровую) сформирует новые иллюзии. Но на сегодня можно признать: Конституция — особый нормативный акт, он выступает скрепляющей силой, формирует «образ будущего» государства и общества. Конституционные иллюзии и конституционные мифы — это отраженная история страны, восприятие лучших мировых практик, представление собственного взгляда на современный мир и устройство государства. Коллективное сознание включает прежде всего основополагающие иллюзии эпохи, помогающие поддерживать существующий строй, его социальные, политические, экономические и другие институты.

Признавая истощение конституционных иллюзий в современную эпоху, нельзя игнорировать очевидный факт: конституция — чрезвычайно полезная и удобная вещь. Ее прагматическое предназначение и практическое использование позволяют современным государствам создавать условия для развития экономики и бизнеса, функционирования гражданского общества, саморазвития человека. Утрата магии не влечет за собой утраты функциональной полезности. Так, на одном этапе человеческого развития люди наделяли магическими свойствами явления природы, затем пытались понять магию электричества и перемещающихся в простран-

¹ Артур Миллер: «Эпоху можно считать законченной, когда истощились ее основополагающие иллюзии». (An era can be said to end when its basic illusions are exhausted. "The Year it Came Apart", New York magazine, Vol. 8. No. 1 (30 December 1974–6 January 1975). P. 30.

Конституционные мифы — в прошлом! Иллюзий — больше нет?

стве силой пара или энергии локомотивов, многим из нас до сих пор непонятно, каким образом голос может перемещаться по телефонным проводам или еще более странным образом через спутниковый сигнал. Ежедневно человек пользуется магическими вещами, не озадачиваясь ни тем, кто их изобрел, ни тем, благодаря каким законам естествознания они функционируют. Так же и конституции.

Почитание конституций сохраняется незыблемым, и степень его демонстрации даже возрастает: это уважение к истории, это заинтересованность в стабильности, это признание перспективности конституционного регулирования как лучшего способа воспроизводства власти. Но неужели при этом почитании не остается места для конституционных иллюзий¹ — неужели их больше нет? Неужели слово «конституция» потеряло свое магическое значение?!

¹ По крайней мере в понимании иллюзий как надежд и упований на спасительную роль конституций, а не в циничном ленинском толковании как признание конституционным порядка, который таковым не является.

Список литературы

Алданов М. А. [Ландау М. А.] Два этюда: 1. Эрих Людендорф. 2. Жорж Клемансо // Современные записки. 1921. Кн. V. С. 143–170.

Белых А. А., Мау В. А. Что произошло в России 8 марта 1881 года. Вступительная статья // Перетц Е. А. Дневник (1880–1883). М., 2018. С. 35.

Борисенко М. В. Роль политической мифологии в современной политике // Вестник МГУ. Серия «Социология». 2002. № 3. С. 26–34.

Власов В. С. История Украины: учебник для 8-го кл. Киев: Генеза, 2016.

Гуриев С. Мифы экономики: заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики / 3-е изд., перераб. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2010.

Диккенс Чарльз. Повесть о двух городах / пер. М. Богословской, С. Боброва. М.: АСТ, Астрель, 2011.

Дневники императора Николая II / общ. ред. и пред. К. Ф. Шацилло. М.: Орбита, 1991.

Зубченко А. Конституционная мифология // <http://www.versii.com/news/215856>.

Корецкая Т. П. Становление российского конституционализма // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 3. С. 49–56.

Краснов М. Конституция в нашей жизни // Pro et Contra. 2007. Июль–октябрь. С. 30–42.

Кронский В. С. Всенародное обсуждение проекта Конституции СССР 1977 года и развитие законодательства // Правоведение. 1985. С. 42–46.

Линн Дж., Джей Эн. Да, господин министр. М.: Международные отношения, 1989.

Ленин В. И. Полное собр. соч. Изд. пятое. Т. 34: Июль — октябрь 1917. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1969.

Матаева Т. Х. От конституционных идей до конституций в Казахстане и странах Центральной Азии // Евразийский юридический журнал. 2018. № 1. С. 10–14.

Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 год // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. 1962.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. 1962.

Мау В. А. Экономика и власть: опыт посткоммунистической трансформации. Экономическая реформа: сквозь призму конституции и политики. М.: Дело, 2017.

Маяковский В. В. Послушайте (сборник). М.: Эксмо, 2014.

Медушевский А. Н. (сост.) Конституционные проекты в России XVIII — начала XX века. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010.

Перетц Е. А. Дневник (1880–1883) / сост. и научн. ред. А. А. Бельх. М.: Дело, 2018.

Понкин И. В. Современное светское государство. М.: Ин-т гос. — конфессиональных отношений и права, 2006.

Румянцев О. Г. К истории создания Конституции Российской Федерации. О работе Конституционной комиссии (1990–1993 годы). Часть восьмая. Июль — декабрь 1993 года: Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 годы): в 6 т. Т. 4. 1993 год. Книга третья (июль — декабрь 1993 года). М., 2009. С. 78.

Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. 12. М.: Художественная литература, 1971.

Согрин В. В. Принятие Конституции США: мифы и реальность // Новая и новейшая история. 1987. № 2. С. 41–57.

Тарле Е. В. Сочинения. Т. VI. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире. М.: ИНФРА-М, 2018.

Хайек фон Ф. А. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева; под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2006.

Шаповал В. Феномен конституции в контексте отечественной политико-правовой «мифологии». <http://gazeta.zn.ua/POLITICS/>

fenomen_konstitutsii_v_kontekste_otechestvennoy_politiko-pravovoy_mifologii.html>.

Шахрай С. М., Станских С. Н. Мифология распада СССР. <http://justicemaker.ru/view-article.php?id=10&art=150>.

Шахрай С. М. Мифология распада СССР // Аргументы недели. 2012. № 47; <http://argumenti.ru/politics/n368/218028>

Шахрай С. М. Общество в период изменений: опыт конституционного строительства // Государственная служба. 2013. № 1. С. 15–16.

Шестов Н. И. Политический миф теперь и прежде / под ред. А. И. Демидова. М.: ОЛМА ПРЕСС, 2005.

Шишкин В. Конституция: опередившая время (о правовом акте Пилипа Орлика 1710 года) // День. 2007. 14 сент.

Шолом-Алейхем. Новостей никаких... Тевье-Молочник. Повести и рассказы / пер с евр.. М.: Художественная лит-ра, 1969. С. 438–439.

Эко У. Заметки на полях «Имени розы». СПб.: Симпозиум, 2007.

Эко У. История иллюзий: легендарные места, земли и страны / пер. с итал. А. А. Сабашниковой. М.: СЛОВО/SLOVO, 2014.

Элиаде М. Космос и история. Избранные работы / пер. с франц. и англ. М., 1987.

Beard Ch. A. An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. New York, 1913. P. 324.

Brewer-Carías A. R. Global Values in the Venezuelan Constitution: Some Prioritizations and Several Incongruences // Toward a Universal Law for Humanity: Global Values and the Lessons and Challenges from National Constitutional Jurisprudence. New York: New York Law School, 2007.

Ellis A. Are Capitalism, Objectivism, And Libertarianism Religions? Yes! Greenspan And Ayn Rand Debunked. — б/м: CreateSpace, 2007.

Epps Garrett. Wrong and Dangerous: Ten Right Wing Myths about Our Constitution. Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2012.

Forte F. A.P. Rationality and legitimacy of the policy of repression in drug trafficking: a necessary provocation // Estudos Avançados. 2007. Vol. 21. № 61. P. 193–208.

Friedrich C. J. and Brzezinski Z. L. Totalitarian Dictatorship and Autocracy, Frederick A. Praeger, New York, 1961.

Ghetti P. S. The Brazilian Deconstitution: Futurity and Cynicism in the Brazilian Constitutional Experience. <http://www.enelsyn.gr/papers/w2/Paper%20by%20Pablo%20Ghetti.pdf>.

Giquel F., Giquel F. — E. Droit constitutionnel et institutions politiques, 25 ed. Montchrestien. P., 2011.

Hodgson Godfrey. The Myth of American Exceptionalism. Yale University Press New Haven and London, 2009.

Holcombe R. G. Consent or Coercion? A Critical Analysis of the Constitutional Contract // Constitutional Mythologies: New Perspectives on Controlling the State / ed. by A. Marciano. New York: Springer, 2011.

Holovaty S. Ukraine's constitutionalism in the context of the constitutional heritage of Europe // The constitutional heritage of Europe: Proceedings of the UniDem seminar organized in Montpellier (France) on 22 and 23 November 1996 in co-operation with the Centre d'études et recherches comparatives constitutionnelles et politiques (CERCOP), Faculty of Law, University of Montpellier. Printed in Germany: Council of Europe Publishing F-67075 Strasbourg Cedex, 1997. December. P. 130–131.

Law and Religion / ed. by G. Barzilai. Aldershot: Ashgate Publishing Limited, 2007.

Marciano A. Introduction: Constitutional Myths // Constitutional Mythologies: New Perspectives on Controlling the State / Ed. by A. Marciano. New York: Springer, 2011.

Masterman R. The Separation of Powers in the Contemporary Constitution: Judicial Competence and Independence in the United Kingdom. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

Norchi C. H. The legal architecture of nation-building: An introduction // Maine Law Review. 2008. Vol. 60:2. P. 282–307.

President John F. Kennedy. Commencement Address At Yale University, New Haven, Connecticut, June 11, 1962 // Public Papers Of The Presidents Of The United States: John F. Kennedy, 1962. P. 234.

Pritsak Omeljan. The First Constitution of Ukraine (5 April 1710) // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 22: Cultures and Nations of Central and Eastern Europe (1998). Published by Harvard Ukrainian Research Institute. P. 471–496.

Ray Raphael. Constitutional myths: what we get wrong and how to get it right. The New Press, New York, 2013.

Tudor Henry. Political Myth. Macmillan Education, 1972.

Underkuffler L. S. Property as Constitutional Myth: Utilities and Dangers // <https://www.lse.ac.uk/collections/law/projects/techniquesofownership/tech-underkuffler.pdf>

Научное издание

Заказное издание

Серия «Научные доклады: государство и право»

Игорь Нязбеевич Барциц

Конституционные мифы и конституционные иллюзии
О героическом прошлом и лучшем будущем

Выпускающий редактор *Е. В. Попова*

Корректор *Г. А. Лакеева*

Художник *В. П. Коршунов*

Оригинал-макет *О. З. Элоев*

Верстка *Н. А. Кильдишевой*

Подписано в печать 20.07.2018. Формат 60×90/16.

Гарнитура PT Serif. Усл. печ. л. 3,75. Тираж 500 экз. Заказ № 967

Издательский дом «Дело» РАНХиГС

119571, Москва, пр-т Вернадского, 82

Коммерческий центр: тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02

www.ranepa.ru

delo@ranepa.ru

Интернет-магазин

www.delo.ranepa.ru

Отпечатано в типографии РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 82